1923
9–16
АПРЕЛЯ

НАВСТРЕЧУ

К НЕДЕЛЕ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ

Литературно
художественный
сборник.

ВСЕРОС. КОМ. ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ
ВОЙНЫ И БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ
КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПРИ ВЦИК СОВЕТОВ

А. Соколов

1923
9—16
Апреля

НАВСТРЕЧУ

Литературно-художественный сборник.

К НЕДЕЛЕ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ

Всерос. ком. помощи инвалидам войны и больным и раненым красноармейцам при ВЦИК Советов

Весь литературный и художественный материал предоставлен авторами бесплатно.

Главлит № 7652.
Тир. 25.000

Нотопечатня „Имени М. И. Глинки“ Музыкального Сектора
Государственного Издательства. Б. Спасская, 6.

Помощь инвалидам войны.

М. Калинин.

При каждом удобном случае я стремлюсь обратить внимание рабочих и крестьянских масс на их обязанность перед жертвами империалистической и гражданской войн. Нельзя сказать, чтобы Советская власть была небрежна к этому вопросу. Уже в 19-м году она признала необходимость усиленной помощи жертвам войны и при ВЦИК был организован Комитет помощи больным и раненым воинам. В его задачу входило привлечь рабочих, крестьян, городское население во всероссийском масштабе к помощи инвалидам. Но средства были столь ограничены, что при всем желании много сделать было нельзя. Комитет не мог развернуть широко свою работу: боевые фронты, потом голод целиком приковывали широкое внимание рабочих и крестьян, а широкая борьба за улучшение материального положения инвалидов, улучшение их быта вообще, за возвращение их работоспособности, была отодвинута в сторону.

Как будто бы в начавшийся 23-й год можно ждать существенного улучшения работы учреждений по улучшению положения инвалидов. Во вновь учрежденной Комиссии при ВЦИК по борьбе с последствиями голода на первом плане выдвинута помощь инвалидам. Из рессурсов ЦКПоследгола намечено к выдаче в 23 году 400.000 пуд. хлеба, на нужды института по долечиванию инвалидов отпущено 20.000 руб. знаками 23 года, на протезирование в ноябре отпущено 50.000 руб., в декабре 150.000 руб. Я не сомневаюсь, что в будущем эта помощь ни в коем случае не будет уменьшена—наоборот—есть много надежды, что она существенно увеличится.

Все сборы, собираемые Красной Армией в Комиссию Последгол, идут на улучшение инвалидных учреждений. Начальник ПУР'а тов. Антонов-Овсеенко избран Председателем Военной Комиссии, в задачи, которой входит непосредственно руководить организациями помощи инвалидам. Все эти меры помогут поставить на ноги это дело.

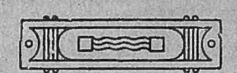
Конечно, это капля в море нужды и бедствий жертв империалистической н гражданской войны. Но важно то, что инвалидный вопрос дождался своего времени и что постановка его в Центре вызовет соответствующий отклик на местах.

В самом деле, ведь это было так недавно, когда наша армия насчитывала в своих рядах около семи миллионов человек. Местные исполкомы уездов, волостей призывали крестьян запахивать поля красноармейцев— и эти поля крестьяне запахивали. Неужели сейчас, когда армия сведена к полмиллиону людей с небольшим, целиком из молодежи, неужели сейчас мы не можем придти всеми мерами на помощь нашим инвалидам?

Ведь каждый рабочий превратившийся из наемного раба в свободного советского гражданина, является должником инвалидов. Каждый крестьянин, прирезавший к своему хозяйству клин помещичьей земли, выбившийся из помещичьей и кулацкой кабалы, заменивший своими Исполкомами мордобоев—земского начальника и станового, плеть урядника и стражника, является должником инвалидов. Каждый красноармеец получивший вместо золотопогонного окрика — товарища командира, грамотность, клуб и свое красное знамя, в долгу у инвалида. Каждый коммунист в лице инвалида должен видеть героя, который своими жертвами спас его красное знамя, спас дело величайшей Революции и жизнь многих и многих ее вождей и работников.

Правительство через Комиссию Последгола ВЦИК сказало свое веское слово о необходимости придти на помощь, поставить задачей сегодняшнего дня улучшение положения инвалидов. Эта же задача стоит и перед всеми местными органами. 23-й год должен быть поворотным пунктом в улучшении этого положения.

Когда каждый комитет взаимопомощи в волостях, каждый кооператив в городах, каждый исполком снизу до верху, каждая воинская часть поставят дело помощи инвалидам перед собою, как первостепенной важности дело, и братски протянут руку помощи,—только тогда будет оно поставлено так, как должно быть поставлено во многомиллионном Союзе Социалистических Советских Республик.

Письмо Анри Барбюса.

(Перевод А. М. Эфроса)

Интернационал ветеранов и жертв войны.

Дорогие Товарищи!

Я получил ваше письмо, столь дружески вами мне посланное, вы сообщаете, что в ближайшие дни должно появиться издание, которое Всероссийский Комитет помощи солдатам Красной Армии выпускает в свет, чтобы оказать братскую помощь жертвам войны. Вы говорите, что считали бы важным получить для него также и мою статью.

Я посылаю ее вам, дорогие русские товарищи, дорогие товарищи по человечеству. Я посылаю ее вам в виде ответного письма,—письма друга к далекому другу,—дабы мое сочувствие, о котором вы столь обязывающе меня упоминаете, к делу Революции, к русскому рабочему классу, было бы выражено возможно более непосредственно и возможно более горячо.

Когда-нибудь, думаю я, наступит день, когда мне будет дозволено осуществить одно из самых жгучих моих желаний, и я смогу побывать на вашей родине, которая на протяжении целой половины старого мира положила начало новой фазе,—истинной фазе,—истории человеческой культуры. А пока в ожидании мгновения, когда я смогу, наконец, сжать в своих руках ваши руки,—руки людей свободных,—руки людей, повернувшихся спинами ко всей старой лжи рабства,—руки людей, которые героически среди мира, им яростно враждебного, заложили основу строительства, которого никто более не сможет разрушить,—мне хочется сказать вам из моего далека, насколько и сердцем, и разумом я чувствую себя связанным с вами.

Я сказал: „Я",—я должен был бы сказать: „Мы". Привет, который я посылаю вам, в меньшей степени—мой лично, нежели привет всех революционных ветеранов войны, об'единенных общей организацией.

Мы слили во Франции воедино этот святой, этот пламенный гнев всех тех, кто, совершив эту войну и оставшись в живых, сохранили за собой право,—и при том взяв это право самовольно, без чьего-либо соизволения—отныне разоблачать безобразный софизм капиталической войны.

Одушевленные этим истинно революционным духом, и тем его великолепным примером, который преподал миру русский народ, мы не приемлем ни комедий пасифизма, ни всех тех полу-мер, всей той позлащенной бутафории миролюбчества. которая не имеет никакой другой цели, как продлить классовый обман, которого долее сносить мы не желаем.

На всемирных конгрессах в Женеве и Вене мы дали нашему идеалу интернациональный размах, мы создали интернациональную организацию,

мы раскинули щупальцы огромного тела „ветеранов-антимилитаристов“ по всему миру.

Это тело одушевлено единой мыслью и живо единым лозунгом: война войне. Мы представляем собой, можно сказать, идею антимилитаризма, облекшуюся в плошь и кровь. Это не безобидный и розовый антимилитаризм полусветских и полуофициальных конгрессов, и не знаменитая космополитическая болтовня на тему о разоружении. Все эти фарсы, играющие человеческими жизнями, неизменно и всегда получающие свое завершение в крови пролетариев—отжили свой век. И если тем не менее мы еще уделяем им какое-то внимание, то лишь для того, чтобы лишний раз сказать народу, что до тех пор, пока он не возьмет всего,—у него не будет ничего.

Мы счастливы и горды возможностью установить теперь связь с вами. Как русская революция не похожа на своих предшественниц, так Красная армия не похожа на своих соседок. Это—армия пролетариата, армия нового мира, ищущего своего воплощения и завоевывающего себе место. И однако какова бы ни была разница между вашей армией революционного труда и теми армиями рабов, в чьих рядах мы все были,—вы найдете в нас товарищей, подобных себе, протягивающих вам, в общем порыве, руки. Нравственную и интеллектуальную задачу, которую вы поставили себе:—привлечь внимание к жертвам войны, воспользоваться этими прямыми и простодушными свидетелями жизни Красной армии, ее лишений, ее страданий, дабы поддержать среди народных масс острое и могучее чувство ответственности, чувство необходимости продолжать революционную борьбу до победного конца,—эту задачу и мы, со своей стороны, также постараемся осуществить.

Какой крепительной, какой великолепной помощью будет для нас возможность связаться в этой работе с вами.

Да здравствует Красная Армия, которая силой своей, создаст, когда-нибудь, мир на всей земле!

Да здравствует Россия рабочих и крестьян!

Товарищески преданный вам Анри Барбюс.

рис. А. Кравченко.

„На новые рельсы".

Л. Троцкий.

Вместо предисловия.

Печатаемый ниже очерк был написан во Франции во время империалистической войны для легальной русской печати. Этим обстоятельством об'ясняются недоговоренности статьи и ее более чем сдержанный тон: считаться приходилось и с французской почтовой цензурой и с русской цензурой печати. Империалистическая война во Франции выбросила многие сотни тысяч инвалидов, главным образом, разумеется, крестьян и рабочих. В свое время они были обмануты, как и весь народ, освободительными лозунгами войны. Теперь ложь этих лозунгов ясна для всех. Вышедшая из Версальского мира Европа несравненно более опутана цепями эксплоатации, рабства и нищеты, чем та Европа, какую мы знали до 1914 г. Таким образом, у инвалидов империалистической войны нет никакого идейного утешения: они дали себя искалечить не ради свободы, о которой им лгали, а ради еще более тяжкого закабаления трудящихся.

Инвалидность, хотя бы и частичная только, всегда тяжка, всегда— жестокий удар. Но моральное состояние наших красных инвалидов несравненно благоприятнее. Они боролись за высокие цели, которые сохраняют всю свою силу и сейчас. По этому пути пойдут за ними другие, до тех пор пока полное торжество братства не положит конец всяким войнам, кровопролитиям, калечениям и инвалидности.

5 февраля 1923 г.

Абель Поаза, высокий, худой, с рыжими усами, родом из Бетюна, был до войны маленьким журналистом, работал в небольшой провинциальной газете в Бельгии; апогеем его деятельности была военная кампания в Марокко, которую он проделал в качестве корреспондента „Petit Journal". В огонь попал с первого дня войны. Был ранен—сперва в руку; выздоровел; вернулся на фронт; был ранен в бок; долго лежал в госпитале; оправился; был признан негодным к военной службе и освобожден; но нашел все места в прессе занятыми; бился; отправил жену в Бразилию к каким-то родственникам, а сам поступил в профессиональную школу и проработав там две недели механиком, убедился, что слаб; перешел в другую, на детские игрушки, но и там не пошло. Так он переменил несколько школ и профессий. В конце-концов известный академик Фредерик Массон, раздражающий раненых длинными речами, но и оказывающий им иногда

практические услуги, устроил бывшего журналиста в газовом обществе, и теперь Поаза, поддерживая рукой бок, бегает по лестницам и записывает число потребленных кубических метров газа.

Поверяя мой газометр, он представился мне, как коллега, признался, что единственной его страстью теперь является собирание марок, и рассказал про свою жизнь в походе, про свою разбитую „карьеру", и указывая на газометр, закончил: „Il faut gagner la vie"...

Через Поаза я познакомился со многими выброшенными из военной зоны и находящимися в процессе приспособления к зоне „гражданской". Этот процесс почти незаметен для глаз в водовороте нынешних событий, но это большой процесс. Природа хоронит и рождает одновременно не допуская перерыва. Так же и общество. Оно подвергает теперь свои молодые мужские поколения разнообразным увечьям,—и в то же время, принимая их с фронта и залечивая раны, стремится немедленно приспособить раненых, увечных, калек к различным общественным функциям. В этом смысле человеческое общество еще раз показало тем, кто хочет видеть и учиться, что оно несравненно гибче, эластичнее и способнее к изменениям, чем привыкли думать или утвержать защитники всяческих „основ".

За вычетом туберкулезных, война создает четыре типа калечения: ампутацию и анкилоз (неподвижность) членов, глухонемоту, слепоту и обезображивание лица. Сообразно с характером повреждения происходит и выбор новой профессии или перевоспитание для старой.

Первая школа для раненых возникла в Лионе уже в декабре 1914 года по инициативе его мера, известного радикального сенатора Геррио. После того школы этого типа были созданы в ряде городов. Раненых обучают счетоводству, дактилографии, стенографии, иностранным языкам, выделке мелких игрушек, брошюровке, сапожному делу, портняжному и пр., и пр. В Бордо создана „нормальная" школа, в которой идет не только профессиональное обучение раненых, но и подготовка из их среды штата ремесленных учителей для новых школ. Французское министерство торговли имеет даже школу в . . . Германии: в одном из лагерей французских пленных организована школа, где пленные учителя обучают своих раненых товарищей ремеслам, разумеется, с разрешения немецких военных властей.

Нужно будет несколько лет, чтобы приспособить к труду всех тех, кого можно будет приспособить. В настоящее время это дело в самом начале; вряд ли больше двух тысяч раненых, если не считать слепых—, находится сейчас на профессиональной выучке. Цифра ничтожная в сравнении с общим количеством раненых и искалеченных, среди которых 80% по утверждению автора, специально занимающегося этим вопросом*) пригодны для профессионального перевоспитания. И так велика человеческая способность к иллюзиям, что цитированный нами автор мечтает о возрождении локальной индустрии и производства предметов роскоши, словом тех отраслей, „которые составляли некогда богатство наших ремесленников и торговцев, а завтра составят залог нашей окончательной победы над германцами". Поистине можно думать, что для экономичес-

*) A.—L. Billard. „Les blessés au travail", „Revue", № 5—6, 1916.

кого возрождения Франции (на основе мелкого производства) не хватало до сих пор только сотен тысяч калек.

Среди учеников этих новых ремесленных школ, порожденных войною, есть много таких, которым приходится переучиваться своему старому ремеслу, приспособляться к хорошо знакомым инструментам при помощи новых искусственных органов, приучаться схватывать и держать вещи при посредстве руки—орудия или восстанавливать зрительное равновесие при наличности одного только глаза. В парламент внесли законопроект, которым государство должно обязаться каждому искалеченному доставлять бесплатно нужный ему воспомогательный аппарат-костыль, механическую ногу, руку, искусственный глаз и пр. и бесплатно починять их. Но законопроект не стал еще законом, а министр санитарного ведомства, д-р Годар, тщетно борется с недостачей механических рук и ног. Тяжелая артиллерия работает продуктивнее, чем новая отрасль национального производства.

Иногда приспособление к старой профессии совершается скоро и легко. Так в одной из парижских школ меня познакомили со случаем механика Бланшара: прекрасный рабочий, он в качестве сержанта потерял на войне глаз при фрактуре лба. Глаз ему вставили искусственный очень хороший, но здоровый глаз вышел из нормы: прямые линии видел кривыми. Бланшар считал, что его трудовая жизнь закончена. Ему предложили вступить в школу, чтобы воспитать глаз. Через неделю он уже начал работать нормально, а через полтора месяца перешел из школы на завод Шнейдера (Крезо), где сейчас в качестве контр-метра заведует целой мастерской.

Но сплошь да рядом раненым приходится совершенно отказываться от мысли о возвращении в старую профессию и искать новую. „Этот процесс перемещения на рельсы новой профессии,—говорил мне директор одной из новых школ,—очень мучителен, и отсутствие руки или пальцев на руке чувствуется в первый период с удвоенной силой. Иные теряют мужество—не забывайте, что многим раненым свыше тридцати лет!—и уходят от нас совсем или переходят в другие школы на более легкие профессии. Вообще мы только у самого начала этого опыта—возвращения раненых к производительному труду, и сейчас очень трудно говорить о его возможных результатах...“

Жан Утрей, высокий и статный бондарь, активный синдикалист, был ранен в Шампани, во время большого наступления 23 сентября. Ему почти начисто оторвало руку, так что она оставалась только на небольшой ленте-коже... Он сам вошел в помещение врачебного отряда, придерживая правой рукой левую.

И когда ему ножницами перерезали полосу кожи, на которой висело то, что было недавно его рукой, и поливали затем иодом его рану, он лежал с мятным сахаром во рту, бледный, как мертвец, но внешне спокойный, и говорил врачу: „хорошо, что левая; придется, однако, переменить профессию: теперь мне в самый раз стать кассиром при синематографе“... В больнице на Michel Ange, где я познакомился с ним, Утрей был общим любимцем и непререкаемым авторитетом для молодых солдат, особенно из городских рабочих.

Рана его заживала на славу. В десяти минутах от лазарета жила его молодая жена с двухлетней девочкой. Утрей несколько раз перебирался по вечерам при помощи товарищей через невысокий забор и уходил на ночь к жене. В конце концов на него донес угреватый молодой сержант, легко раненый в шею и по целым дням читавший католические брошюры в перемежку с уголовными романами.

По выходе из больницы Утрей поступил в Париже в школу для раненых, приспособленную из бывшей электротехнической школы для русских эмигрантов. Теперь эта „Школа Рашель" очень расширена: прибавилось несколько новых отделений.

Утрей делает исключительные успехи в точной слесарной работе; через три недели он сделал идеальный куб. Далее, он сам „построил" для себя левую руку, каждый раз усложняя и совершенствуя ее железную „кисть", которая состоит из щипцов, маленьких тисков, колец и пр. Он утверждает, что имеет даже перевес над нормальным слесарем, так как одна рука его не устает никогда. Утвердив вертикально на своей „кисти" стальное полукольцо, на которое можно опирать кий, Утрей стал победоносно играть на биллиарде.

Вот другой удачливый ученик. Серж Бассе был лимонадчиком. Его ранило в лицо, он окривел и почти лишился носа. Старая хозяйка, у которой он раньше работал, поохала, но отказалась его принять: публика не привыкла, чтоб ей подавали лимонад люди с испорченным носом; нельзя же, в самом деле, об'яснять каждому покупателю, что поранение произошло на войне. Бассе решил перейти на другой труд и поступил в школу. Он проявил исключительные дарования, прекрасно делает чертежи от руки, достигает большой точности в работе, и инженер предсказывает ему будущность первоклассного слесаря.

Анри Шарле, краснодеревец; принадлежал к набору 1913 года; участвовал в боях с первого дня войны и ранен был 20-го августа прошлого года. Их батальон скрывался в этот день в овсяном поле подле Моранжа. Отдан был приказ наступать перебежками. Люди побежали вперед, под митральезным огнем; потом прилегли; потом опять побежали. Потери были чудовищны и скоро отдан был приказ отступать. Но в эту минуту Шарле упал, раненый семью митральезными пулями в левую ногу. Он лежал в овсе три дня и три ночи, среди мертвых и раненых, в полузабытьи и муках, освежая по утрам росою свои лихорадочные губы. В конце концов его подняли немцы, и через час после этого ему ампутировали ногу, пораженную гангреной. Его увезли в Грофенвор, в Баварии, а оттуда вернули через Швейцарию домой, при размене тяжело-раненых.

Шарле месяца два присматривался, не зная, в какую сторону податься, без ноги, в поисках новой профессии он чувствовал себя в известной мере так, как-будто ему приходится начинать жизнь сначала. В одном из бесчисленных комитетов его убедили остановиться на сидячем ремесле сапожника. Шарле выдержал искус не дольше двух недель и теперь делает усилия устроиться шоффером.

Париж. 16 марта 1916 г.

Наши задачи.

Н. А. Милютин.

I.

Крайне тягостное положение дела государственного обеспечения, вызванное отсутствием у государства необходимых средств, заставило нас искать новых путей для обеспечения инвалидов, семейств убитых и крестьянства.

Выходом из создавшегося положения могло явиться лишь вовлечение населения в дело помощи.

Первым шагом на этом пути явилась организация крестьянской взаимопомощи. К этому мы подошли с большой осторожностью, проделав предварительные опыты в отдельных уездах. В настоящее время крестьянская взаимопомощь является фактом. Органы взаимопомощи, в общем и целом, стоят на правильном пути, значительно облегчив нашу задачу помощи деревне и семьям красноармейцев, особенно в голодающих губерниях. В частности созданием органов крестьянской взаимопомощи, мы в деле самопомощи населения вырвали инициативу из рук духовенства и реально содействуем укреплению Советской системы в деревне.

Вторым шагом на этом пути было создание при ВЦИК и Губисполкомах Комитетов помощи больным и раненым красноармейцам. Этот шаг дал нам возможность хотя отчасти увеличить рессурсы, идущие на дело помощи инвалидам.

Третьим шагом было проведение социального страхования на основе выборности страхорганов. Соц. Страхование поставило дело обеспечения рабочих на твердую базу.

Эти мероприятия в нормальных условиях нашей жизни, и при условии наличия сети государственных инвалидных учреждений (школ, мастерских, колоний и т. п.), а также правильно организованного имущественного страхования от стихийных бедствий, полностью разрешили бы задачу социального обеспечения при современных условиях. Но при этом должно быть наличие с одной стороны нормального состояния крестьянского хозяйства, с другой отсутствие огромного числа инвалидов, доставшихся нам в результате войны.

О количестве же инвалидов можно судить по следующим цифрам:

Число убитых и раненых в последние войны 6.000.000

Из них в городах проживает инвалидов и семей убитых . . . 800.000

из этого числа нуждаются в помощи:

Из проживающих в городах не менее $1/2$ и в сельских местностях свыше 1.000.000. Государственное обеспечение сейчас охватывает следующие группы:

1) Проживает в интернатах Собеса 50.000
2) Обучается в учреждениях Собеса инвалидов 30.000
3) Обучается инвалидов в высших учебных заведениях и профшколах со стипендией НКСО 3.000

Эти группы (83.000) инвалидов войны обеспечены полностью. Полностью же обеспечены и около 40.000 инвалидов войны объединенных артелями Собеса. Из остальной массы инвалидов войны получают помощь около 500.000, частью в виде далеко недостаточной пенсии, а часть в порядке взаимопомощи. Таким образом свыше 1.000.000 инвалидов войны остается без всякой помощи.

Справиться с обеспечением такого огромного числа инвалидов и семейств убитых, государству своими силами и обычными методами не под силу.

Хотя общественная помощь (Всерокомпом, Взаимопомощь и т. п.) и развивается у нас теперь, но не в силах развернуть свою деятельность до необходимых размеров.

Положение инвалидов в массе остается весьма тягостным. Это обстоятельство не может не влиять на настроение Красной Армии. Равнодушным же к жизни полутора миллионой армии инвалидов Советское государство оставаться не может.

Но, принимая всевозможные меры к помощи инвалидам, выделяя в первую очередь инвалидов гражданской войны с полной утратой трудоспособности (эти группы принимаются в интернаты Собеза без отказа), мы должны признать, что нужны радикальные мероприятия, которые хотя бы отчасти облегчили положение остальной массы инвалидов. Одним из таких радикальных мероприятий является кооперирование инвалидов, связанное теснейшим образом с реформой инвалидных учреждений Собеса.

II.

Эта реформа учреждений Собеса в законченном виде должна в общем и целом свестись к следующему:

1. До минимума сокращается число нетрудовых учреждений, которые сохраняются лишь для небольшого числа беспомощных инвалидов и строются по больничному типу.

Остальные учреждения реорганизуются на трудовых началах.

2. Трудовые учреждения разбиваются на две группы.

Первая группа: учреждения носящие местный (губернский) характер чисто производственного типа. Производство в этих учреждениях ставится на артельных началах. Государство сохраняет за собой организационно-контрольные функции. Имущество, инструментарий, оборудование и пр. остается собственностью Собеса. Финансирование происходит из местных средств с субсидией в особо острых случаях и на переоборудование из операционного фонда НКСО, отпускаемого Совнаркомом.

Вторая группа: учреждения Всероссийского и Областного значения. Все учебного и учебно-показательного типа. Находятся на общегосударственном бюджете. Кроме того обучение инвалидов производится: в артелях, которые обязываются иметь 10% учеников инвалидов и в общих учебных заведениях Наркомпроса.

Вся сеть учреждений обслуживает инвалидов войны и инвалидов труда на равных основаниях, причем расходы по содержанию и пр. на инвалидов труда, покрываются из средств социального страхования.

Окончившие курс обучения поступают либо в производственные артели, либо в обычные предприятия и учреждения (в зависимости от степени инвалидности).

Эта реформа учреждений постепенно проводится НКСО в жизнь. В настоящее время выделено 27 лучших учреждений, которые постепенно сводятся к 10—12 объединенным областным инвалидным ремесленным техникумам.

Весь этот план был бы уже закончен к декабрю минувшего года, если бы неожиданное прекращение отпуска средств Собесу в середине минувшего года и разговоры о ликвидации Собеса временно не дезорганизовали нашей работы.

Сейчас приходится восстанавливать положение с большим трудом.

III.

На ряду с реформой учреждений Собеса, особенно важной становится роль инвалидной кооперации, развивающейся у нас по мере проведения этой реформы, благодаря организации артелей в учреждениях Собеса, а также и независимо от этой реформы благодаря инициативе самих инвалидных масс, ищущих выхода из тяжелого положения. В этом деле органам Собеса и инвалидным массам необходимо проявить максимальную осторожность. Опыт создания в свое время контрреволюционного союза увечных воинов и опасность создания фиктивных объединений, прикрывающих ловких спекулянтов и авантюристов, диктуют нам необходимость этой осторожности.

Опасность возрождения контр-революционного союза увечных воинов, парализуется нами тем, что: во первых в губ. объединения инвалидов входят как инвалиды войны, так и труда на равных основаниях и кроме того губ. объединения инвалидных артелей, мы строим непосредственно при Губсоюзах, с участием в правлении объединения представителей Губсоюза и Губкомпома, причем первому представляется право вето на решения как правления губ. объединения, так и собрания уполномоченных. Кроме того Наркомсобес сохраняет за собой право, в исключительных случаях, как смены всего правления губ. объединения, так назначения на определенный срок правительственной администрации по управлению объединениями. Наконец объединения строятся по типу интегральной кооперации, т.-е. охватывают все без исключения виды инвалидных объединений (производственно-потребительские, торгово-посреднические, сельско-хозяйственные и смешанные).

Вторая опасность нами парализуется уставом артелей, которые строятся как отделения губ. объединений. Не связывая инициативы и развития артелей, мы оставляем за собой право укомплектования первичных объединений, право контроля за их работой и право исключения отдельных физических членов вплоть до сменения и замены отдельных членов производственных комитетов. При этих условиях, конечно, не может быть и речи о возможности создания фиктивных артелей, прикрывающих ловких спекулянтов, преследующих цели уклонения от платежа налогов.

Что может дать кооперирование инвалидам, видно из опыта в Крыму, где условия для развития ненормальных уклонов были сильнее, чем где бы то ни было.

Крымское объединение инвалидов сейчас обеспечивает около 4.000 человек, не затрачивая ни копейки государственных средств. Средний заработок инвалида равнялся в ноябре 4.000.000 руб. в месяц. Настроение Крымских инвалидов не оставляет желать ничего лучшего. Учитывая этот опыт а также опыт, и других

губерний, мы имеем достаточное право сказать, что кооперирование инвалидов за короткий срок вполне оправдало себя. Мы имеем ряд объединений как в Центральной России так и на окраинах.

Все эти объединения дают своим членам-инвалидам в десятки раз больше, чем мы можем дать из госсредств.

Главным преимуществом, дающим инвалидной кооперации возможность конконкурировать с частным предпринимателем, несмотря на пониженную трудоспособность ее членов, являются: освобождение от налогов, льготы при аренде предприятий и наконец льготное финансирование.

Последнее является особенно важным, т.-к. основной бедой современной кооперации является отсутствие достаточных оборотных средств и кредита. Это тормозит развитие дела и его углубление. Отсюда и вытекает необходимость централизации инвалидных кооперативов.

Тяга к объединениям в масштабе свыше губернских среди объединений инвалидов настолько сильна, что они начали создаваться стихийно. НКСО необходимо было взять в этом деле инициативу в свои руки. С этой целью НКСО было создано временное бюро в составе представителей Наркомсобеса и Всерокомпома (он же предст. РВСР), и 3 работников инвалидной кооперации.

В дальнейшем, с созданием Всероссийского центра инвалидных производственно-потребительских объединений, НКСО сможет постепенно перейти к финансированию и снабжению инструментарием и сырьем объединений в порядке кредитования через этот центр, чего иначе не возможно достигнуть.

Основной фонд центра создается из средств, отпускаемых Наркомсобесом из его операционного фонда и взноса Соцстраха. Кроме того на помощь центру инвалидной кооперации несомненно придет и Всерокомпом, чрезвычайно заинтересованный в развитии инвалидной кооперации.

Центр инвалидных объединений, мы мыслим себе как орган при НКСО, в составе представителей НКСО, Всерокомпома, НКТруда и от Совещания по инвалидной кооперации.

Ближайшими задачами инвалидного центра будет, помимо организационных мероприятий, по развитию инвалидной кооперации на местах, организация льготного кредита губернским объединениям инвалидов, налажение правильного товарообмена губ. объединении, открытие центрального магазина по сбыту изделий артелей, связь с революционными объединениями инвалидов Запада, а главное возбудить советскую общественность вокруг дела помощи инвалиду.

Кроме того перед центром инвалидной кооперации стоит задача организовать и прямую деловую связь с органами крестьянской взаимопомощи. Последнее должно сыграть не малую роль в деле создания деловой смычки города и деревни что имеет сейчас для нас решающее значение.

Перед инвалидной кооперацией огромное будущее. Задачи ее имеют настолько важное практическое и политическое значение, что делу этому должно быть уделено внимание не только со стороны государственных органов, но и партии.

Голодный и холодный инвалид имеет право на заботу о себе. Предоставить работу инвалиду—наша обязанность. Кооперирование инвалидов, связанное с общей реформой дела их обеспечения Государством, должно значительно улучшить положение инвалидных масс, создав из них надежнейших друзей советской власти.

„Обоз". Рис. Н. Купреянова.

Новый приемный сын Красной Москвы.

(Автор международного рабочего гимна, Эжень Потье).

Ю. Стеклов.

В первом своем заседании Московский Совет нового созыва постановил наименовать бывшую Кудринскую площадь площадью Эженя Потье. Для того, чтобы все граждане Советской России знали, какой смысл имеет это постановление Московского Совета, мы считаем нужным дать краткий очерк поэтического наследия, завещанного Эженем Потье международному пролетариату.

Новая поэзия, созданная Интернационалом и Коммуной, имела боевой характер.

Самым выдающимся певцом Коммуны был Эжень Потье. Старый интернационалист и сам бывший коммунар, он с несравненной силой изобразил страдания пролетариата и восславил его мятежные попытки. Все понесенные рабочим классом поражения не могли сломить глубокой веры Потье в будущность пролетариата. Напрасно Кавеньяк в июне 1848 г. обагрил парижскую мостовую кровью двадцати тысяч пролетариев; напрасно версальская армия, науськиваемая бонапартистскими генералами и свирепым карликом Тьером, учинила неслыханное избиение защитников Коммуны в памятные дни „кровавой недели": променяв меч на перо, Потье, пощаженный смертью, дал рабочему классу, оплакивавшему своих лучших сыновей, песню борьбы и победы, которую с восторгом принял весь пролетарский мир. Это знаменитый *Интернационал*.

Жюль Валлес посвятил ему в Cri du Peuple от 29 ноября 1883 г. следующие замечательные строки:

„Это старый товарищ, товарищ по великим дням. Он работал во время Коммуны и был изгнан, подобно Гюго. Подобно Гюго, он также поэт, но поэт неизвестный, затерянный в тени.

„Его стихи не бьют в щит Аустерлица или в нагрудник кирасиров Ватерлоо; они не возносятся взмахом крыльев на вершину горы, где мечтает и стонет Олимпио [1]). Они не взбираются на гребень шлемов или на края облаков: они остаются на улице, на бедной улице.

„Но мне думается, что некоторые крики, издаваемые с тумбы этим Ювеналом предместья, обладают столь же трогательным красноречием и производят даже более сильное впечатление, чем самые замечательные строфы Châtiments [2]).

„Конечно, нельзя сравнивать этого рядового солдата с тамбур-мажором эпопеи [3]); но на поле битвы маленький пехотинец, спрятавшийся в траве и метко стреляющий, важнее тамбур-мажора, метящего слишком высоко.

„Кроме того, благодаря самой широте своего гения, Гюго стоит слишком высоко над толпою, чтобы быть в состоянии говорить всем уголкам ее сердца.

„Для этого нужен голос собрата по труду и по страданиям.

„Тот, о котором я говорю, трудился и страдал; вот почему он сумел изобразить с трогательной простотой трудовую и страдальческую жизнь.

„Ныне необходимо обратить свои взоры и свою мысль в эту другую сторону,—в сторону великой безыменной армии, которую капитал обрекает на голод и на смерть.

„Бросьте носителей доспехов и громовержцев; достаточно уже лизали их шпоры. Будем говорить о мастерской, а не о казарме, перестанем восхвалять дымящийся еще зад орудий, но станем провожать кликами жалости или гнева тех, кого уродует, оставляет без хлеба и да-

[1]) Олимпио—поэтическое имя, под которым Гюго в некоторых своих стихотворениях, обращенных якобы к другу Олимпио, выводит самого себя

[2]) Известный сборник стихотворений Виктора Гюго.

[3]) Т.-е. наполеоновской эпопеи.

вит машина, тех, которые лишились возможности зарабатывать на существование, потому что ремесло их погибло или потому, что их находят слишком старыми, когда они, как милостыни, просят права надрываться над работой.

„Потье, старый дружище, ты Тиртей битвы без блеска, происходящей в обожженных и закопченных фабричных стенах или между перегородками грязных домов, где свинец сорных ящиков уносит столько же жертв, как и свинец ружейных пуль.

„Оставайся поэтом этого мира, который не знает празднословия и кутается в рубище без лишних разговоров, и ты откроешь замурованной нищете горизонт, а народной поэзии—новое поле.

„Она здесь, эта поэзия, под картузом бродяги, которого ждет каторга, или под честным чепцом матери, не имеющей молока, чтобы накормить своего малютку: преступление и нищета идут рука об руку в роковом ходе общества. Скажи это громко счастливым и бросай, как патроны, твои отчаянные стихи в блузы людей, которые, наскучив сносить несправедливость и мучения, готовы возмутиться, так как они нуждаются в духовной поддержке и заслуживают привета в час битвы и перед смертью!“.

Перечислить все прекрасные стихотворения Потье*) невозможно: настолько они все хороши, настолько они все проникнуты мощью, верой и духом протеста. В чудном стихотворении „Жан-бедняк“, каждая строфа которого кончается чисто народным припевом „Ah mais... Ça ne finira donc jamais?“, изображается жизнь бедняка, у которого общество отняло его близких и самого его лишило работы, и который наконец возмутился:

К концу пришли все наши муки,
И солнце яркое зажглось;
К ружью мои рванулись руки,
И знамя красное взвилось.
Эх-ма!
Не будет этому конца?

———

Нас уложили на панели...
Печальный месяц свет бросал;
Когда меня поднять хотели
„Vive la Commune!“**) я закричал.

Прощайте, мученики-братья,
Прощай, надежда и мечта!
Умрем! Достоин мир проклятья:
Тюрьма—приятнее и та.

———

. . . .

В морг бледный труп его снесли...
И каждый день, о, каменные плиты,
На вас простерт другой бедняк убитый,
Замученный, в крови, в пыли.
Эх-ма!
Не будет этому конца!

С такой же силой и в таком же духе написано стихотворение „Жан Лебра“ с припевом: „Жан Лебра! бедный Жан Лебра! придет день, когда ты успокоишься“. Характер его творчества виден из простого перечня некоторых его стихотворений: „Хищные звери“, „Падаль“, „Пустой желудок“, „Людоед“, „Безработица“, „Я голоден“, „Правящие классы“, „Заживо похороненный“, „Стачка“, „Вдова каменолома“—с одной стороны; „Бланки“, „Социальная революция“, „Интернационал“, „Защищайся, Париж“, „Вперед, рабочий класс“, „Бунтовщик“ и т. д.—с другой. Одной рукою, изображая отчаянное положение пролетария в буржуазном обществе, поэт другою открывает перед ним широкие перспективы, будит в нем веру в свои силы и зовет его к борьбе за самоосвобождение. Потье написал несколько стихотворений в честь Коммуны: „Здесь прошла Коммуна“; „Нет, Коммуна не умерла“; „Памятник федералистов“ и поэму: „Парижская Коммуна“. Он написал также несколько стихотворений против войны и в этом отношении оказался одним из отцов современной антимилитаристической поэзии. Интересна в нем еще следующая черточка; в то время как большинство современных революционных поэтов настроено анархически, Потье, в качестве верного члена рабочей партии, придавал большое значение политической борьбе пролетариата и воспел первые успехи всеобщего избирательного права, которое из орудия обмана, благодаря деятельности социалистов, начало превращаться в орудие освобождения. По поводу первого успеха рабочей партии на муниципальных выборах 1880 г. он написал прекрасное стихотворение „Привет пятнадцати тысячам голосов“. По иронии судьбы это стихотворение посвящено „Гражданину Мезюреру,

*) См. Eugène Pottier—Chants révolutionnaires, troisième édition. Paris 1887.

**) „Да здравствует Коммуна“.

президенту муниципального совета", впоследствии перебежавшему в лагерь радикалов и примазавшемуся к общественному пирогу.

Привет голосованью класса!
Проснулись спавшие рабы.
Когда пришла в движенье масса,
Не страшны все бичи судьбы.
Картечь напрасно нас разила,
Злой буржуа. Народ в ответ
Идет смести твои Бастильи...
Пятнадцать тысяч, вам привет!

В другом стихотворении „Вперед, рабочий класс", где он между прочим приглашает художников и ученых пойти с пролетариатом, „чьи молоты куют свет", он снова приветствует избирательную борьбу рабочей партии: „Начнем, товарищи, бунт посредством избирательного бюллетеня!"

В стихотворении „Дочь Термидора" он клеймит буржуазную республику с припевом: „Нет, эта потаскушка не республика! нет, нет, ты не республика!"

Вон, вон ее! Полям злащеным
Явись ты, с полной грудью мать!
Фалангам нашим с'единенным
Богатства все приди отдать,
Пусть солнце равенства и счастья
Разгонит темный мрак ненастья!
Коммуна! к нам в плаще багряном
Явись, в своем стремленьи рьяном
Блудницу эту прогони,
Что отравлает наши дни!

Но два стихотворения Эженя Потье, которые проложили себе дорогу к сердцу масс и сделались боевыми песнями пролетариата, распеваемыми на рабочих митингах и демонстрациях, это—„Повстанец" (L'Insurgé) и „Интернационал". „Повстанец" с припевом:

Перед тобой, о нищета без дела,
Перед тобой, о рабство без предела,
Се бунтовщик
Встает с ружьем и примыкает штык!—

за последнее время вышел из моды и теперь почти не поется рабочими, вытесненный новыми песнями. Но лет десять-пятнадцать тому назад его еще можно было слышать на рабочих митингах на ряду с Карманьолой и „Интернационалом". Последний сделался боевой песнью не только французского, но и всемирного пролетариата. Он написан в июне 1871 г. в Париже, где Потье скрывался от версальских палачей, и посвящен коммунару Лефрансе. Сам Потье умер 7 ноября 1887 г., и только через 8—10 лет после его смерти, „Интернационал" сделался популярным. Своей популярностью он обязан гедистам*). Музыку к нему написал лилльский социалист Дегейтер, и социалисты Северного департамента начали распевать его в своих кружках с начала 90-х годов. Первое иадание этой знаменитой песни в 1894 г. вызвало судебное преследование за ту строфу, в которой говорится о военной стачке и о присоединении солдат к народу. Во время национального съезда Французской Рабочей Партии в Лилле 1896 г. северные социалисты обучили этому гимну делегатов разных департаментов, съехавшихся на конгресс, которые в свою очередь распространили его у себя на местах. Таким образом с середины 90-х годов „Интернационал" сделался излюбленной песней гедистских групп, тогда как бланкисты и поссибилисты остались верны старой Карманьоле. Но в 1899 г., во время первого объединительного конгресса французских социалистических организаций в зале Жапи в Париже, „Интернационал" был принят всеми присутствовавшими делегатами, и с этого момента он сделался настоящим гимном французских социалистов.

Международный гимн),**

(Интернационал).

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья—
Ни бог, ни царь и не герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро, —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Это будет последний и т. д.

---

*) Французская рабочая партия, названная так по имени своего вождя Жюля Геда.

**) Общепринятый русский перевод неполон. В оригинале не 3, а 6 строф. Мы даем гимн полностью, причем указываем, что строфы 3, 4 и 5 взяты из перевода тов. Л. Зарницына.

Нас давит власть, и лгут законы,
Налог навис над беднотой,
Богач сгребает миллионы,
Права рабочих—звук пустой.
Мы под опекой жили долго,—
Пора! Закон равенства прав,—
Он говорит: „Нет прав без долга.
Равно и долга нет без прав!“
Это будет последний и т. д.

Гнусны при всей кичливой славе
Владыки фабрик, шахт и руд:
Твердят о долге и о праве,
А сами жадно грабят труд.
У них наш труд лежит по кассам,
Залитый в золото хитро,
Пускай вернут рабочим массам
Назад народное добро!
Это будет последний и т. д.

Цари нам голову дурманят,
Мы—мирный труд. Война царям!
Пусть стачка армий грозно грянет
Из строя прочь и—по домам!
И пусть посмеют патриоты
В нас пыл разжечь для их аттак,—
Мы сразу наши пулеметы
Направим в собственных вояк.
Это будет последний и т. д.

Лишь мы работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты—никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,—
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей...
Это будет последний и т. д.

Таков бессмертный гимн, созданный Эженем Потье в один из самых мрачных моментов истории рабочего класса. Этот гимн совершил кругосветное путешествие, всюду завоевывая симпатии пролетариата и превратившись в его боевую песнь. Особенно популярным он стал после основания Коммунистического Интернационала, для которого он как будто специально написан.

С начала XX века „Интернационал“ Э. Потье был усвоен передовыми рабочими России, ведшими борьбу с самодержавием. Его гордые боевые слова звучали на всех демонстрациях, устраиваемых русскими социалистами, оглашая улицы и площади русских городов и зовя на борьбу с врагами трудящихся масс. А когда рабочий класс России захватил власть и создал свое рабочее государство, „Интернационал“ Эженя Потье сделался национальным гимном Советской Республики. Вместо холопского „боже, царя храни“, возвеличивавшего тиранов и врагов народа, теперь на общественных торжествах звучат великие слова нового рабочего гимна, прославляющего труд и борьбу, зовущего к установлению всемирного братства всех угнетенных и оскорбленных.

Теперь понятно, почему первая мысль новоизбранного Московского Совета была об Эжене Потье, авторе международного рабочего гимна и нашего нового национального гимна. Будет время,—и надеемся, недалекое,—когда „Интернационал“ станет официальным международным гимном. Это наступит тогда, когда рабочий класс повсюду сбросит с себя цепи рабства и учредит советские республики, которые сольются в единый всесветный союз. Тогда же повсюду будут воздвигнуты памятники великому поэту—автору „Интернационала“, и повсюду лучшие площади будут названы его именем.

Пока эта честь выпала на долю Красной Москвы, этого сердца Советской России. Усыновляя Эженя Потье, Красная Москва выполняет свой долг перед всемирным пролетариатом и идет навстречу его заветным желаньям. Такие акты лишний раз сближают рабочих Москвы и всей Советской Республики с пролетариями всего мира и делают красную столицу Советской Федерации моральным центром трудящихся всех стран.

Красная Москва может гордиться своим новым приемным сыном.

Над снегом Канады.

В. Брюсов.

Там, с угла Оттануксгла, где снегом зарылась Канада,
Где гигантская кукла, нос—в полюс, Америка,—рысь
Ждет, к суку прилегла, взором мерит простор, если надо
Прыгнуть; в узких зрачках—голод, страх, круговая корысть.

———

Тихо все от великой, безмерно раздвинутой стужи,
Над рекой, по полям, через лес январь белость простер;
Холод жмет горы, словно звериные туши, все туже;
Пусто; где-то неверно чуть вьет дровосечий костер.

———

Рысь застыла, рысь ждет, не протопчут-ли четкость олени,
Не шмыгнет ли зайченок (соперник что̀ волк и лиса!)
Рысь храбра, в теле кровь долгих, тех же пустынь, поколений,
Рысей, грызших врага, как грызет холод колкий леса.

———

Кровь стучит в тишине пламенем напряженных артерий—
Лишь бы, по̀-белу алое, алчь утолить довелось!
Не уступит, не сдаст, даже черно-пятнистой пантере,
Даже если из дебри, рогами вперед, внове—лось!

———

Чу! Хруст. Что̀ там? Всей сжаться. За ствольями бурые лыжи.
Лижут в дружном скольженьи блистающий искрами наст:
Вот—он, жуткий, что сон,—человек! вот—он, хмурый и рыжий:
Топора синь, ружья синь, мех куртки, тверд, прям, коренаст.

———

Сжаться, слиться, в сук в'есться! Что̀ голода боли! Несносны
Эти блёски, свет стали, свет лезвий, свет колющих глаз!
Слиться, скрыться: защита—не когти, не зубы, не сосны
Даже! Выискать, где под сугробом спасительный лаз!

———

Там, с угла Оттануксгла, где снегом зарылась Канада,
Где гигантская кукла, нос—в полюс, Америка,—век
За веками где звери творили свой суд, если надо,—
Там идет, лыжи движутся, бог, власть огня, Человек!

1922

Былинка.

С. Городецкий.

На Кубани, где пахнет пшеницею,
Где блуждали оравы казацкие,
Где когорты, каленые до-красна,
Рубежи зарубали свободные,
На заре от бубенчиков жаворонка
На меже пробудились два черепа.
Оголенные снегом и солнышком,
Одинаково оба скуластые,
Той же кости и оба курносые,
На висках одинаково проломлены,
Друг на друга глазницами глянули.
Шелохнулась землица от ужаса
В затемневших бессмертием впадинах.
Распознали друг друга два ворога,
Пустотою подкостною вспомнили,
Как столкнулись в сраженьи неслыханном
И упали в бою череп-за-череп.
Время бивное кануло-минуло,
Трудь взялась за топор, срубы ставила,
Что один, что миллион, грудью росною
Подымала новину великую
Нераспаханной радости-вольности.
Уж весеннее солнце не пряталось
За туманы-пары крови-сукрови,
И не падали каменьем замертво
С неба с сердцем разорванным жаворонки.
Самостойная, сила поемная
Праздник трударства яростно правила.
Даже в черепы ссохлые белые
Оживляющей силой провеяло.
— Ты за что боданул меня шашкою?
— Ты за что меня двинул казацкою?
— Я за белую Русь, за единую,
Неделимую нашу великую.
— А и впрямь бела Русь твоя царская.
А и чем бела? Прахом замученных,
В кандалах, в казематах загноенных.
А и вправду едина проклятая
Целованьем попа и помещика.
Уж и как велика была матушка
Тьмой крестьянской да рабскою работой!
— Я за нашу святую крещеную...
— А и чем крещена она? Водкою.
Священа батогами и плетками.
— А за что же, за что ты убил меня?
За пожары,—громы, за разрушину?
— Я убил тебя, братец мой слепенький,
За всесветное дело советское.
Мы руками раздвинули голыми
Горы черные горя рабочего.
Мы мужицкими вилами вздынули
Золотарства хитровину лютую.
Золотеев—злодеев мы—намертво.
Нищака—голяка в жизнь на солнышко.
Мы всего своего совладетели.
Мы просторы путины нехоженной
Распахнули всему человечеству.

Все заставы, межи и рогатины
Своротили с дороги трудящихся.
Мы медведи ломать, муравьи строить
заново.
Все, что было, в навоз всходу
новому.
Все что будет, зерно нашей прозяби.
Что ж молчишь? Или челюсти
высохли?
— А молчу я, молчу, призадумался,
Что отвечу тебе, череп черепу.
— Думай тысячу лет,—все по-
казано.
На ладони видна правда красная.
Видишь, школа на горке ребяцкая.
Видишь пахаря новь необ'ятную.
Над заводом видать дымок пер-
венький.
И совсюду, где люди работают,
Маков цвет к нам пожаром кидается

Полежи, погляди, пораздумаешь.—
Полежал, поглядел чернодырьями
И промолвил, вздохнув, череп черепу,
А и вздох его был тяжкогорестный:
— Так спасибо, что сбил меня
подлого!
И ответил, вздохнув, череп черепу,
А и вздох его был легкорадостный:
— И тебя не кляну, слепорож-
денный,
Кровью алой моей счастье всхожено,
Долгожданное наше рабочее.
Так промолвили черепы белые
И рассыпались пылью серебрянной.
Ветер ухнул-махнул и понес ее
От межи на дорогу прохожую.
Тяжела, тяжела, а развеялась
Под ногами веселыми школьников,
Вешнепесеньем первоступенников.

Поэтам „Кузницы".

Влад. Кириллов.

Жизнь рабочая, ты-ли сладка?
Всех ущелий пути твои уже:
За пятак покупали с лотка
И обед и скудный ужин.
И кому, как не нам знакома
Дней голодных звериная жуть,
Ночь глухая была нам домом
И земля—материнская грудь.
Но отрепья бродяги святее
Желтых лап ожиревших гусей
И от Сены до Енисея
Есть следы от наших ступней.

И в стихи загляделись страны:
Вот Чикаго бетонная мощь,
Вот отлетная грусть океана
Перезвон кораблиных рощ.
Вот идет пастушек с отаркой,—
Песнь тиха, а степь широка,
Вот железо цветет под ударом
И на руль налегает рука.
Мы из бездны былого восстали
Огнекрылою бурей стихов,
Но струится в шлифованой стали
Лепестковая нежность слов.

За грядою Карпат и Алтая
Слышен молота песенный бой—
Это спорит жизнь молодая
С шепелявой старухой судьбой.

Из электропоэмы.

Мих. Герасимов.

Сумерки свернулись быстро.
Глубокая ночь напоила землю.
Созрели звезды.
От них полилось благоухание,
Свежее дуновение
Дрожащей световой листвы.
Кто-то кивает мне
В этих поющих ветвях.
Легкий привет,
Неуловимое движение с высоты
Вдруг проковало мои нервы
Железным напряжением.
Я оборвал свой рассказ
О блуждающих светилах
И млечных туманностях,
Которые весенними садами
Слив и яблонь цветут там.
— Милая,
Оставь меня одного.
Замерли шаги в росной траве.
Тишина.
Гляжу на Марс немигающе.
Тает пространство и непомерная даль.
Вижу его как раскрытую книгу,
Ясно и близко до жути.
Хочется отступить назад.
Вижу там биение пульсов,
Качающиеся былинки и цветы—
Маленькие динамо
Излучающие пыль и аромат...
Тишина.
Меня обступили черные стены деревьев.
Я чую враждебное дыхание.
Угрожающие жесты рыхлых мускулов.
Переплеск крыльев,
Совьи крики
Хлещут меня по щекам.
Биение родного глубоко под землей.
Мои ступни ощущают
Легкую пульсацию жил меди и железа
Там, в глубине.
Глубокая тишина обняла меня
И хижину.
Открываю глаза—мрак,
Закрываю—тьма.
Странное беспокойство проросло во мне.
Душное испарение гниений
Внезапно навалилось
На мое лежащее тело.
Тьма сгустилась до жидкости,
Хлещет в меня,
Захлестывает легкие.
Я слышу шаги и шопот голосов.
Лесные люди в звериных шкурах
Сразу обступили меня.
Щеки, сквозь поросли шерсти,
Дрожат ядовитыми улыбками:
— Ты наш,
Ты—наш, железный человек!..
Приникают с крестными знамениями,
Молитвенно потрясают волосатыми шкурами.
Все темные силы леса,

Поверья мшистой старины
Обступили,
Шипят крыльями...
Лохматые призраки рычат
И трясут бородами.
Внезапно выросла бездна,
Она ширится и клубится тьмою.
Светлый остров с грохотом проваливается
В черное мировое пространство.
Вскакиваю, и кричу:
— И свет, и машины!

Хватаю ружье со стены.
— Нет, победим мы!
Прорвавшийся звездный лучик
Сразу успокаивает меня.
Холодный ствол касается
Пылающей щеки.
Обливает сладкая ласка.
Меня гладит маленькая ладонь
Шлифованной стали,
Целует в губы.
Я чую—душа завода
Присутствует здесь.

Гравюра на дереве — *Вл. Фаворский.*

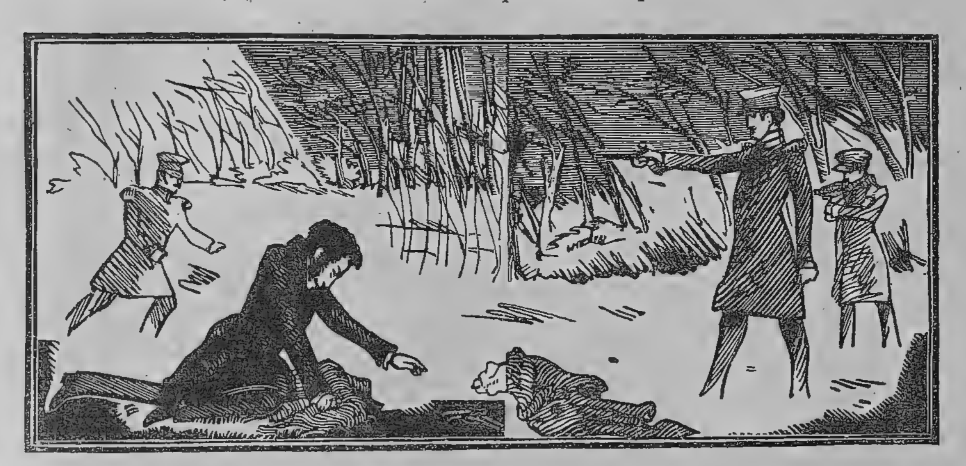
Отец.

В. Кириллов.

Только утро румяным ветрилом
Зашумит, заиграет вдали,
По высоким лесам и стропилам
Поднимаю я кладь земли.
Тяжелеют, сутулятся плечи
Но зовет высота: не стой!
И от тяжести словно от печи
Обливаюсь горячей росой.

И когда нестерпима ноша,
Шаток шаг на крутых мостках,—
Васильковые взоры крошек
Улыбаются там на лугах.
Не оттуда-ли свежестью веет:
Слышу лепет моей детворы
И усталое тело звереет
И на плечи ложатся миры.

Ах, не это-ли мышцами движет
И грядущее кровью кропит?
Вечереет. Спускаюсь и вижу
Дальний блеск мировых стропил.

Дуэль А. С. Пушкина. *Рис. П. Павлинова.*

* * *

В. Александровский.

Нет, не хочу, не хочу
Пить отчаянья черное пламя,—
Я еще раз орленком взлечу
Над весенними, теплыми днями.
Где-то в кочках кричат журавли,
И по озеру лебеди плавают;
Как же мне не поднять с земли
Перед зорями сердце кровавое?

Что мне ночи пустые глаза?—
Пусть глядят на меня, как на падаль,
Ничего не приходит назад,
И душе повторений не надо.
Я дождусь беззакатного дня,—
Будут петь мне заздравицу трубы,
Будет ласково солнце меня
Целовать в неостывшие губы.

Пять триолетов

Вадиму Фалилееву.

Л. Леонов.

1.

Лишь оправданья наших диких снов
Мы требуем себе ценою муки,
Не преклоненья будущих веков,—
Лишь оправданья наших диких снов.
В дыму всеочистительных голгоф
И на пороге небывалой скуки
Лишь оправданья наших диких снов.
Мы требуем себе ценою муки.

2.

В час, когда горят дома и люди
И сердца у каждого из нас—
Все перемешалось в общей груде
В час, когда горят дома и люди.
И да не погибнут в рабьем блуде
Все зачатые в суровый час,
В час, когда горят дома и люди
И сердца у каждого из нас.

3.

Не сердца-ли наши, не сердца-ли
Кирпичи в один и тот-же дом.
Из одной и той-же звонкой стали
Не сердца-ли наши, не сердца-ли?
Слушай, близкий,—а тогда вначале,
Волокли на огненный пролом—
Не сердца-ли наши, не сердца-ли
Кирпичи в один и тот-же дом?

4.

Свой буйный дух мечтою убаюкав,
Летит стремглав в неведомые миры,—
Закон того, кто ждет нездешних звуков,—
Свой буйный дух мечтою убаюкав...
Как хорошо, что правнук наших внуков
Быть может и постигнет смысл игры,—
Свой буйный дух мечтою убаюкав,
Лететь стремглав в нездешние миры.

5

Твое-же сердце,—верю!—запоет,
Как медная труба Навина,
Печатью мук замкну я сердца рот,
Твое-же сердце—верю!—запоет,
Не улыбнись: быть может через год,
Зажатое мышцей исполина,
Твое-же сердце,—верю! запоет,
Как медная труба Навина...

Горе.

В. Маяковский.

Тщетно отчаянный вечер
Бился нечеловече
Капли чернеющей крови
Стынут крышами кровель.
И овдовевшая в ночи
Вышла луна одиночить.

1923 г.

Волга.

Ник. Асеев.

Синяя скважина
В черной земле
Смята и сглажена
Поступью лет.

Выбита шайками
Шумных ватаг,
Взвеялась чайками
Небо хватить.

Этой ли ветошью
Песне кипеть?
Ветром рассвета шью
Зорь этих медь!

Загули Жегули,
Загудели пули,
Загуляли кули
Посредине улиц,

Заплясали столбы,
Полетели крыши:
От железной гульбы
Ничего не слышать.

Только дрему спугнешь,
Только сон развеешь,
Машет алым огнем
Степан Тимофеич.

Машут вверх, машут вниз
Искряные взоры...
Перегнись, перегнись
Через эти горы!

Разливайся, река
По белому свету,
Размывай, перекат,
Песня песню эту.

Рис. Г. Васильева.

„Мобилизованные“ — Рис. В. Фалилеева.

Военнопленный.

Вл. Кохановский.

1.

Свирепствовавшая весь день вьюга к ночи еще больше усилилась и вокруг барьерной будки и в поле, и в лесу, и вдоль железнодорожного полотна шел непрерывный гул и свист; шумели высокие, мохнатые деревья, выл на белом просторе ветер, насыпая огромные сугробы снега, звенели обледеневшие телеграфные проволоки.

Барьерный сторож Никита проводил поезд с польскими военнопленными и теперь сидел и грелся у печки, потирая озябшие руки. В будке было тепло, но он никак не мог согреться. С тех пор, как у него после ранения в легкое развился туберкулез, он сильно зябнул на холоду и, озябнув, долго не мог согреться. Часто в такие минуты он вспоминал себя каким был до войны—здоровым, крепким, сильным. Вспоминал, как легко и свободно таскал тяжелые шпалы, как спал на 20 градусном морозе, не замечая холода, как бегал, чуть ли не с быстротой пассажирского поезда. Ушло все это теперь и никогда не вернется...

Вспомнил потом, как в ясный свежий осенний день, когда так красивы были покрытые цветными увядшими листьями деревья, так прозрачно обсаженное полуосыпавшимися серебристыми вербами озеро и шак бодрящ и ароматен свежий воздух—он уезжал из родного села на войну, вспомнил походную жизнь, стычки, сражения... И, наконец, вспомнил роковую разведку, которая стоила ему потери здоровья и тяжелого страдания.

Это было в лесу ярким солнечным днем. Сначала они ехали небольшим отрядом, потом раз'ехались по одному. Он поехал в сторону местечка М., где по его мнению, должен был быть неприятель. Тихо и неподвижно было в лесу. Однотонно раздавался топот копыт его лошади, изредка, с лгким шумом перелетала с ветки на ветку птица, трещал в чаще ломающийся подгнивший сук. Так долго ехал он один, затерянный в густой чаще. Вдруг, близко около него раздался выстрел и пуля, нудно жужжа, пролетела около его уха. Он торопливо скинул с плеча винтовку и оглянулся. В нескольких шагах от него из-за толстого мохнатого ствола выглядывало молодое смуглое злое лицо польского солдата. Он быстро прицелился и выстрелил. Лицо исчезло за стволом и мгновение спустя, поляк вывалился из-за дерева на траву, но тотчас же поднялся на одно колено и снова выстрелил. Что-то больно обожгло грудь Никиты и он, выпустив из рук винтовку, упал на землю.

Очнулся он ночью. Тихо было в лесу. С ясного неба спокойно светила луна, ровно мерцали крупные звезды, чуть шуршали над ним листья высокого дуба. „Я ранен“—подумал он и попробовал подняться, но тело не повиновалось ему. Тогда он застонал и вытянулся на земле...

Проходила ночь, опустилась луна, передвинулись звезды, стал прохладнее и свежее ветер, а он все лежал на земле и то забытье охватывало его, то мерещилось перед глазами злое лицо ранившего его немца.

Под утро он забылся и очнулся лишь в лазарете, где узнал, что пуля пробила ему легкое.

У него развился туберкулез...

2.

Было поздно, когда Никита, наконец, согревшись, стал собираться спать.

Выла вьюга, бросая в окно комья снега, звенели телеграфные провода, дрожала рама в окне, где-то хрипло залаяла собака. Непроглядный мрак царил кругом!

Вдруг сквозь шум и вой бури ему почудился легкий стук в дверь. Он прислушался. Стук повторился. „Это верно путевой сторож“—подумал Никита и почувствовал, как на сердце у него стало веселее.—„Потолкуем с ним о чем-нибудь, новости у него какие-нибудь есть, все равно не спится“.

Поднялся с постели и, подойдя к двери, спросил:

— Это ты, Василий?

— Нет,—отвечал незнакомый голос—это проезжий. Пустите меня пожалуйста, а то я замерзну здесь на морозе.

— Какой такой проезжий?—спросил Никита, приоткрывая дверь. В сенях стоял высокий занесенный снегом человек в полушубке, с поднятым воротником.

— Что надо? Откуда?—спросил Никита, подозрительными глазами смотря на него.—Я упал с площадки поезда,—проговорил человек,—ушибся и страшно озяб. Пустите меня ради Бога, хоть ненадолго.

— С какого поезда?—Допрашивал Никита, продолжая подозрительными глазами оглядывать его.

— С поезда военно-пленных, что прошел здесь полчаса тому назад...

После недолгого колебания Никита открыл дверь. Высокий человек, нагнув голову, и чуть прихрамывая, вошел в низкую дверь и стал отряхиваться от снега. Потом оглянулся кругом и проговорил:

—Как здесь у вас тепло. А ведь я версты три по ветру шел, чуть не замерз совсем.

И, помолчав немного, добавил:—„Отвык я уж от походной жизни...

— Вы солдат?—спросил Никита, опуская в лампе фитиль и внимательными глазами рассматривая молодое лицо пришедшего.

— Да, солдат. Военнопленный.

— Поляк?

— Поляк.

—Ну, садитесь. Побудьте у меня до следующего эшелона, отдохните и мне веселее будет—проговорил Никита.

— Я тоже солдатом был, воевал с вами.—Поляк, как-то смущенно улыбнулся...

— По ошибке воевали, зато друзьями теперь будем...

— Вы что в России долго жили, что так хорошо по русски говорите?

— Да, я в Вильне на заводе пять лет работал...

Никита повеселевшими глазами посмотрел на него.

— Рабочий значит?—

— Рабочий.

Он взял с окна жестяной чайник, налил в него из ведра воды, и поставил в печь. Поляк снял полушубок, положил его на скамейку и сел.

— На родину едете?—спросил Никита,—отдыхать будете?

— Да, на родину...

Никита внимательными глазами посмотрел на него.

— А мне лицо ваше, как будто знакомо... где-то я уж видел вас? Поляк посмотрел на него.

— И я, как будто, тоже видел вас. Вы в Вильне не бывали?

— Бывал.

— Может быть там где-нибудь встречались...

Они заговорили о Вильне, о тамошних фабриках, заводах, потом постепенно перевели разговор на свою личную жизнь.

Поляк стал рассказывать о своем родном местечке о старухе матери, о жене, живы ли они? Ведь к концу войны нечего было есть. Да и кто знает, какова будет теперь жизнь. Он уж не тот. У него ранена нога, болит рука. Работать он уже не сможет, как прежде, да и хозяйство, верно все раззорено.

Никита слушал его и чувство симпатии и сожаления охватило его душу.

Потом он говорил ему о себе, говорил какой здоровый он был до войны и как мучительно и тяжело ему теперь.

— А из-за чего все это спрашивается?—Из-за того, что вашим капиталистам не нравится наша Советская Россия.

И чем больше разговаривали они, чем больше вспоминали пережитые на войне мучения, тем чувство какой-то интимной близости все сильнее и сильнее охватывало их обоих...

И казалось им, что давно уже знают они друг друга, что давно уже связаны они одною общею мыслью, одним общим чувством.

3.

Когда прошел поезд, они легли спать.

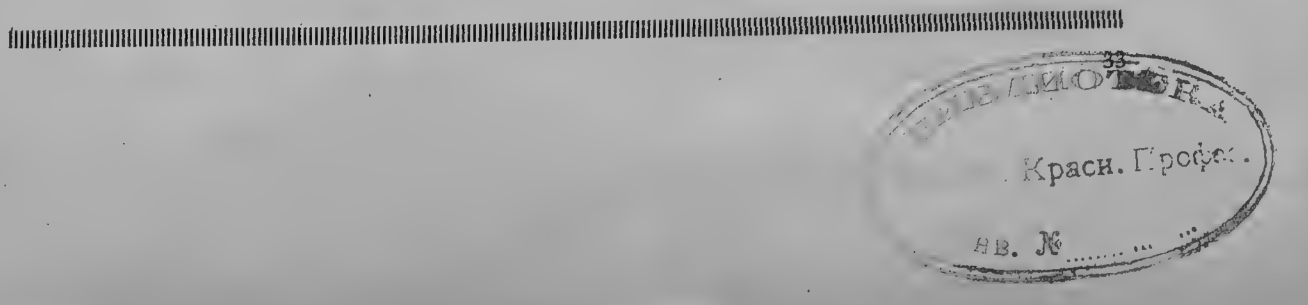
Никита закутался с головою в одеяло и, согревшись, довольно быстро заснул. Он спал крепко, но на заре проснулся от сильного кашля и боли в груди... Военнопленный, повидимому разбужденный его кашлем, лежал на лавке с открытыми глазами и смотрел на него.

— Вот кашель проклятый,—проговорил Никита,—каждую ночь спать не дает.

— Лечиться надо,—сказал поляк и поднявшись, сел на скамейке, потом спросил—Где это вас так ранили?

— На разведке, в Свианцинском лесу.

— Свианцинском лесу?—спросил поляк.—Меня тоже ранили в Свианцинском лесу...

И вдруг, переменившись в лице, он стал точно что то припоминать и напряженными глазами смотреть на Никиту. Потом тихо, глухим голосом спросил:

— Вы ехали в лесу один?

— Один.—отвечал Никита.

Военнопленный замолчал, тяжело дыша...

Никита внимательными глазами смотрел на него и вдруг, сильно побледнев, сказал:

— Я теперь узнал вас,—это вы тогда ранили меня в лесу из-за дерева...

— Вы тоже ранили меня там...—сказал поляк. Несколько минут тяжелое молчание царило в будке, потом Никита снова закашлялся мучительным кашлем, сплевывая кровавую мокроту.

— Может быть, вам принести воды?

Никита махнул рукой.

— Не надо...—

Военнопленный стоял около и жалостливыми глазами смотрел на него, потом сказал:

— Я не виноват, ведь вы сами это хорошо понимаете... Не по своей охоте,.. на то война. Ведь и я до сих пор еще хромаю.

Постепенно Никита перестал кашлять, сидел тяжело дыша с полными слез глазами. Немного погодя, усмехнувшись, сказал:

— Вот она вещь-то какая вышла.

Были оба рабочими, оба мозолили себе руки, а потом пулями друг в друга запустили.

Замолчал... Молчал и поляк.

Тягостное чувство нарастало в их груди. Вот только что провели они вместе долгую зимнюю ночь, говорили, делились своими мыслями, чувствами, переживаниями, вспоминали свою прежнюю рабочую жизнь и вдруг оказалось, что они враги, отнявшие друг у друга здоровье..,

Военнопленный отошел от Никиты и стал одеваться. Одевшись проговорил:

— Прощайте. Если можете, простите меня...

Никита молчал. Поляк отодвинул засов в дверях и приоткрыл их.

В это мгновение Никита позвал его. Поляк повернул голову.

— Я не сержусь,—сказал Никита,—ведь я мог также ранить вас, даже убить. Это вина тех, кто послал нас на эту бойню...

Поляк подошел к Никите. Немного погодя он, чуть улыбнувшись, сказал:

— Ну, а если бы теперь мы опять встретились с вами на войне?

И тот-час же добавил:—

— Мы поступили бы теперь вот так,—и протянул Никите руку.

И крепко пожимая друг другу руки, они смотрели один на другого открытым и дружеским взглядом. И не было уже в будке ни поляка, ни русского. Было двое рабочих, связанных между собою одними и теми же интересами, стремлениями и чувствами.

В царской казарме.

Ефим Зозуля.

„Господин отделенный командир“, Шостак, смуглый глуповатый парень, банщик по профессии, важно лежал на койке, а перед ним на вытяжку стоял Ябе, немец-колонист из Волынской губернии.

— Ты отчего же скушный такой, Ябе? — спрашивал отделенный. (Это в свободное от занятий время начальник „развлекал“ подчиненного). — Отчего? И нос у тебя красный, вроде, как . . . собачий на морозе? Говори.

На вопросы о причине грусти казарма выработала казенный ответ:

— Письмо с родины получил, господин отделенный.

Этот ответ почему-то умилял начальство. Начальство улыбалось и подмигивало:

— Письмо . . . от дивчины, должно. . .

— Так точно.

Но начальство все таки знало, что письмо — ширма. Слишком уже часто письмами об'ясняли грусть и тоску.

Отделенный командир переходит к делу:

— Ну, хорошо. А кто я такой, знаешь?

— Так точно.

— Кто?

— Господин отделенный командир, — отвечает не без напряжения немец.

— А как меня зовут?

— Шостак.

Лицо „командира“ искажается от возмущения:

— Что же я . . . твою мать, товарищ тебе, може? Свинья необразованная! „Шостак!“ Какой я тебе Шостак, морда немецкая? Как меня по имени — отечеству зовут?

— Не могу знать.

— Слушай и помни. В последний раз говорю: Василий М о р е е в и ч. Повтори, образина!

Немец старательно повторяет.

Ротный командир, капитан Стрижак, ничего не имел против такого „развлечения“ солдат, но все таки Шостака он однажды поставил под ружье — за то, что отчество „Мореевич“, как он кричал, и в природе не существует. . .

Шостак отстоял, сколько полагалось, а потом стал именовать себя менее изысканно: Василий Тимофеевич. Но с подчиненными своими продолжал „заниматься“ столь же усердно.

Фельдфебель Криворучко, однако был против, как он выражался, умственного развития солдат. . .

— Ты с им сколь хошь говори — все равно рази ён почувствует?

Даже такое каторжное времяпрепровождение он считал праздным отдыхом и кричал козлиным фальцетом на всю казарму:

— Гони на прогулку! Живо! А то они застоялись...

Он искренно считал солдат чем-то вроде лошадей и говорил про них, как про лошадей: застоялись, жрут, и так далее.

Гнали на прогулку. Никогда не забыть дикой и мерзкой муштры во время этих прогулок.

— Дехтярук, не тяни ноги! Я те потяну! Раз, два, раз, два! Штеренберг, голову выше! Не смотри под ноги — ям нету! Тебе говорят — голову подними! А то я подниму — все пархи посыпятся! Лошак, левой, левой, сволочь! Раз, два, три, четыре! Штык выше! Франц, подбери живот! Яшкин, ноги раздирай побольше! Ходишь, как курва на именинах! Раз, два, раз, два! Зозуля! Чего задумался? Зверем смотри! Орлом! Не рота, а толпа каких-то людей! (Это считалось самым обидным оскорблением). При первой роте знамя идет, ... вашу мать! А вы, свиньи, не понимаете!

Муштровали утром, муштровали днем, муштровали вечером, а все таки полк не умел ни ходить, ни строиться. При развернутом фронте никак не мог быстро равняться, а на парадах церемониальным маршем шел неровно, ряды выгибались „животом",роты отставали, и видно было, как красные рожи фельдфебелей чуть не лопались от досады и дикой ненависти к солдатам.

Ротный командир приходил утром, выстраивал роту в два ряда, ходил перед фронтом в одну сторону и в другую, в одну и другую, вдоль всего фронта, минут двадцать ходил, потом останавливался, клал руки на поясницу и говорил трагически.

— Не умеют поворачивать головы!

И начиналась новая пытка: и до занятий, и после, и после обеда, после поверки отделениями и взводами заставляли людей стоять и поворачивать головы, сопровождая это мудрое занятие отвратительной бранью и наглым издевательством.

Кончалась история с поворачиванием головы—начиналась новая.

— Не умеют кричать „ура!"

И людей учили кричать „ура!"—до одури, до головной боли, до исступления.

Каждый день учили, „учили" чему-то новому, и все же ротой были недовольны и не было конца недовольства ею.

В роте всегда было что-то неладно.

Фельдфебель Криворучко, вечно озабоченный и озлобленный, ежедневно получавший нагоняи от ротного, изливал горечь на солдатах, бессмысленно наказывал, кого попало, а часто вызывал к себе в канцелярию, откуда солдат непременно выходил красным и битым. Если звали в канцелярию, то это имело определенный смысл—будут бить.

Иногда, обессиленный заботами, страхом и досадой, он останавливался посредине казармы и, ни к кому не обращаясь, сжимал кулаки, потрясал ими и изрыгал в пространство, закрыв глаза и судорожно скосив рот:

— Сссатана! Сволочи!.. вашу мать! Скрозь! (это у него было такое непонятное ругательное слово—„скрозь").

И лицо почти выворачивалось от густой беспредельной злобы.

Вечером, на поверке, он по часу и больше мучил выстроенную роту то вити-

еватой речью, то руганью. Даже малейшие беспорядки близко принимал он к сердцу и говорил о них пламенно.

— Ребята,—начинал он ласково,—сегодня прислали нам восемнадцать человек новобранцев. Ну, прислали и, как говорится, слава богу. Наша семья, так сказать, увеличилась. Ну, разумеется, им выдали тюфяки и, как полагается, каждому по простыне.

Тут „литературная“ часть речи кончается. Без всякого перехода фельдфебель сразу звереет и начинается грубая брань.

— А для чего же тебе, холуй деревенский, выдается простыня? Понятная вещь—раз тебе выдают простыню—ложись на нее,... твою мать, сатана, и спи!! А они, сукины сыны, простыни в сундучки попрятали, а сами, как свиньи, спят на тюфяках! Ну, что это такое! Скрозь! И как раз ротный командир является и тебе, известно, неприятность. Что же, собака, я за тебя твою простыню положу? Что я, каждому из вас в.... должен заглядывать!

И о простынях идет пространная беседа целый час, пока фельдфебель, задыхаясь от злобы, сам себя не перебьет приказом:

— Пой молитву,... вашу мать! Еще посчитаюсь с вами, погодите!

После молитвы унтер-офицеры собирали солдат по взводам и опять начиналось обсуждение вопросов, подобных вопросу о простынях.

На следующий день, на поверке, такая же речь:

— Ребята, сегодня мне из-за вас опять неприятность. Ротный командир явился на занятия словесности. Ну, разумеется, он поговорил с одним, с другим. Люди отвечают—все, как полагается. А, вот, ротный командир спрашивает Школьника хочет ли он служить на военной службе. Школьник, сатана, отвечает, как граф какой-нибудь: „Конечно!“ Что же ты, жидовская тварь, говорить еще не научился? Что скажет ротный командир? Он тебе, свинье, ничего не скажет, а мне замечение (так именно говорили у нас—„замечение“) сделает,—скажет, что я тебе никакого образования не дал. А ведь, я тебя, жида, сатану эдакого, учил, что надо начальству отвечать „так точно“, а не „конечно“. Хайке своей можешь „конечно“ говорить...

И так далее, без конца, без конца.

Не проходило дня без какой-нибудь истории, без новых придирок, новых требований.

Вдруг ротный командир жаловался:

— Тихо говорят в первой роте! Что им кушать не дают, что ли? Больные, что ли? Солдат должен говорить громко, ясно, бодро!

И началось... В роте не говорили, а кричали... Вся рота охрипла от беспрерывного крика...

К счастью, приказ — громко говорить — через несколько дней отменили.

Повод для отмены был такой: новобранец Балабуха, наивный, толстый, пришибленный паренек, сидел на полу, широко разбросав ноги, перед открытым сундуком своим и наклеивал на внутренней стороне крышки картинки из журнала дамских мод, купленного в лавочке за копейку.

За этим невинным занятием застал его ротный командир.

— Ты что делаешь? — спросил ротный. — Что это такое?

Балабуха сильно испугался, вскочил, вытянулся и громовым голосом, каким его на днях научили говорить, заорал, холодея от страха.

— Это красавицы, ваше высокородие!

Ротный командир рассмеялся, плюнул и, уходя, бросил фельдфебелю:

— Пусть уже лучше дурачье говорит тихо...

— Ну вас всех к черту!...

В чем был смысл систематических и диких издевательств над ста двадцатью здоровыми, взрослыми людьми—никто не понимал. Военному делу уделялось меньше всего внимания. Военному делу учили, сухо, механически, крайне вяло. Стрелять водили редко. Учили целыми часами отдавать честь, учили беспрекословному и бессмысленному повиновению; например, приказывали чистить сапоги и одетых по форме, выводили на площадь и приказывали ложиться в грязь, потом встать, идти в казармы и опять чиститься,—а для чего все это—и не думали об'яснять солдатам. Главное внимание уделялось муштре, выправке, всякой мишуре, и для этого ни перед чем не останавливались.

Солдаты ненавидели службу душной слепой ненавистью. Даже не глупые и способные люди держали себя, как ученики или арестанты. По детски лгали начальству, хитрили бессознательно и систематически саботировали.

На малейшую работу нельзя было выслать меньше, чем пятнадцать—двадцать человек, но и те ничего не делали или делали то, что при желании мог-бы и успел-бы сделать один.

Работа или поручение, связанное с уходом из казармы—хотя-бы на час—называлась „хабор", и тому. кто уходил—завидовали.

Каждое утро солдаты вставали с криками „Дай сентября!" „Дай сентября!" (в сентябре освобождали) кричали часто такие, которым оставалось еше не один сентябрь провести в казарме, и старые солдаты жестоко подтрунивали над ними:

—Ишь хитрые, хитрые!... „Дай сентября!" Серые черти, сколько служите? Еще издохнете, пока сентября дождетесь!

Когда уходили в город по увольнительной записке, то считалось плохим тоном возвращаться за десять-пятнадцать минут до назначенного времени.

Солдаты стояли на улице—хотя-бы на морозе или под дождем,—но своих пятнадцати минут казарме не „дарили".

Все были заняты одним: мыслью о „спасении", о том, как-бы улизнуть из казармы.

Татарин Рахматулин, тихий, честный, безобидный человек, служивший по недоразумению вместо трех лет—три с половиной, до ужаса боявшийся премудрой „словесности", которая бедняге не давалась, пользуясь тем, что он был ламповиком, стоял где-нибудь на холодной лестнице и по целому часу переливал керосин из одной лампы в другую, лишь-бы не быть в казарме.

Его, безобиднейшего человека, можно было превратить в зверя, если пошутить:

— Тебе, Рахматулин, вечно быть на службе, потому что твои списки потеряны! Ты уже всю жизнь будешь служить! Сам видишь—самый старый в роте, а не увольняют тебя!

Рахматулин окак-т за такую чшутоку бросился на кого-то со штыком наперевес.

Солдаты поголовно скучали, томились.

Мой отделенный командир, Гвардев, умный и интересный крестьянин, благородной души человек, иногда буквально с ума сходил от скуки.

На уроке все той-же словесности он вдруг задумывался (мы, конечно, старались не мешать ему и с удовольствием молчали), брал веревочку, опутывал себя, пальцы, потом об'вязывал ухо свое, делал мудреные и дикие узоры, высовывал язык и застывал в таком положении... Мне было мучительно жалко его... Ему было лет тридцать пять, он уже раз бежал со службы, скитался по Галиции, но истосковался по родине и добровольно явился вновь.

Каждый старался выдумать себе работу, лишь бы поменьше находиться в казарме. „Клубом“ — служила уборная. Там разговаривали, пели, кто-то каждый день от нечего делать продавал одни и те-же брюки и божился басом, а два сигналиста, поляк Новаковский и мордвин Ельник, сидели тут-же, друг против друга, и оглушительно трубили, глядя друг другу в выпученные глаза... Все это для того, чтобы не быть в казарме...

В роте было много несчастных фигур. Истинным мучеником был хитрый и упрямейший мужик Белас. Он симулировал глухоту. Три раза его посылали на переосвидетельствование и неизменно находили здоровым. Но он продолжал симулировать: нельзя уже было отказаться, выхода не было. В строю он притворялся, что не слышет команды; поворачивался позже всех и так далее.

В виде репрессии с ним занимались отдельно. Занимался с ним самый жестокий из „учителей“ (будущих отделенных). Его мучили невероятно. Били. Ежедневно ставили под ружье. Навеки врезалась в память мою плотная и стройная фигура Беласа, стоящего под ружьем со слезами на круглых, замкнутых, злых и твердых глазах.

Когда измученный Белас изнемогал от голода, его намеренно—тихо звали на обед, и издевались над ним, когда он не выдерживал (не хватало сил человеческих выдерживать) и бросался в столовую...

Был еще один: грузин Барамидзе, умиравший от чахотки, пламенный революционер. (Грузины, вообщее часто болели у нас, не вынося климата, но их все-же не отпускали и не переводили в полки, расположенные на юге). Его все боялись. Фельдфебель и то ничего не мог с ним поделать:

— Встать!—исступленно орал он.—Встать, когда я с тобой разговариваю!

— А кто ты такой, чтобы перед тобой стоять?—спокойно отвечал грузин.

— Я тебэ не боюсь. Начхать мине на тебэ!

Однажды по роте проходил полковой батюшка, толстый, красный, упитанный, длинноволосый, безобразно-толстый от множества подрясников.

Грузин впился в него черными, острыми глазами своими, положил руки в карманы, изогнулся весь от пристального любопытства и искренно, широко, изумленно глядя на ассирийское платье, облегавшее этого толстого, прозаичного человека, произнес на всю казарму.

— Нэ понимаю—как ему не стыдно! как ему не стыдно!

Его давно сослали-бы в дисициплинарный баталион, а то и подальше, но мешало то, что ротный командир, капитан, ждал повышения в подполковники, а командир полка был новый, с высшим образованием, тайный член партии кадетов, и не любил, когда солдат отдавали под суд. Капитан поэтому запретил фельдфебелю жаловаться на грузина, и приходилось „терпеть“. Но терпели недолго: новый полковник с высшим образованием недолго состоял в либералах, и грузина осенним утром увели чужие конвойные с черными погонами.

Когда он уходил, кашляющий, презрительно блестя черными возбужденными глазами, с сундуком на спине, солдаты провожали его, раскрыв от уважения и любопытства рты, а Косик, весельчак и танцор, милый добродушный парень, выбежал на лестницу, попросил меня стать у двери и никого не пускать и вдребезги разбил стекло поленом...

О разбитом стекле на поверке шла речь целую неделю, но кто разбил—фельдфебель так и не узнал, хотя, кроме меня, видели и знали многие.

Отдыхали солдаты на коллективной мести фельдфебелю—мести примитивной, но злой.

Фельдфебель жил в маленькой комнатке, в которую нужно было проходить через все четыре выхода, т. е. все помещение казармы. Однажды часов в двенадцать, когда рота спала, он тихо провел к себе женшину. Прохождение мимо спящих солдат длилось не больше двух минут, но за это время кто-то, случайно не уснувший, успел растолкать нескольких товарищей, и казарма огласилась резким разбойничьим свистом...

Фельдфебель обомлел. Дежурный по роте и дневальные побелели от ужаса. Но самое тщательное исследование не обнаружило виновных, все смирно спали и даже храпели.

На следующий день рота с нетерпением ждала поверки, но на поверке об этом фельдфебель не говорил ни слова.

Вечером долго не засыпала вся рота, несмотря на адскую усталость за день. Лежали молча,—говорить было рискованно. Многие, боясь доносчиков, даже притворялись спящими.

Фельдфебель, стоял на холодной лестнице с невестой своей (выяснилось, что это его невеста) до часу. Уверенный, что в такое время все спят, он тихонько стал пробираться к себе, ведя смущенную женщину за собой.

Но свист—острый, насмешливый, беспощадный,—несся со всех сторон, из всех сторон, из всех углов... Стихал в одном вздохе, раздавался в другом—опутывал, бил, жег, и—остался безнаказанным...

Это вошло в привычку. Свистали каждую ночь, и фельдфебель ничего не мог сделать. Он доводил роту репрессиями до исступления, но рота покорно терпела и мстила ночью—пока, наконец, фельдфебель не догадался проводить невесту в свою комнату под вечер и держал ее там до утра...

На этом сладкая месть роты своему мучителю кончилась, а других видов мести не было...

В самом начале войны с Германией полк этот, в котором я имел печальное удовольствие служить еще в 1911 году, ушел на фронт и, как я узнал, был разбит и почти целиком уничтожен в первом же сражении в Пруссии.

Конечно, ожидать другого нельзя было. Нельзя было и предположить, чтобы большой исправительный дом, никого, однако, не исправлявший, а портивший и развращавший здоровых, молодых, ни в чем неповинных людей, мог представить собою хоть сколько нибудь серьезную боевую силу.

Завод Круппа.

А. Аросев.

За столом сидели приятели: слесарь Кузьма Завьялов и монтер Федор Швейц. Швейц был немец и остался в России после плена. Женился на русской. Послужил и в Красной армии. Мечтал только об одном: как бы после русско-польского „замиренья“ выписать из Германии свою мать

— Упоили кровью землю,— мрачно закончил свой рассказ Завьялов.

Швейц уставился голубыми глазами на подмигивающую коптилку и как будто что-то вспоминал. Нехорошее. Страшное. Видимо даже колебался рассказывать или нет.

— Ну, слушай—решил вдруг он—расскажу тебе сейчас сон, который мне снился очень часто под конец немецкой войны. Так часто, что думал, не сойду ли с ума. Но, gott sei dank, попал в плен. Слушай:

Будто отправился я на наш большой завод Круппа. На заводе меня любезно встретила сама хозяйка, Берта Крупп. Женщина высокая и лицо как у бритого шведа. Угрюмое. Неподвижное. Страшное. Смотрит, а сама будто в уме колдует.

— Здесь механическое отделение—пояснила она, введя в просторную комнату.

Следующая комната—сборная снарядного цеха. За ней идет литейная, потом кузница, потом еще и еще... Все комнаты большие кирпичные. Из-за станков виднеются головы рабочих. Все молчат. Слышен только гул работы напряженной—мерный, покоряющий.

— А смотрите-ка, вон словно пар подымается от того места, где сложены снаряды,—сказал кто-то.

— Ах, это пустяки—возразила снова Крупп.—Это угольная пыль.

Когда Берта говорила, губы ее не шевелились и глаза не мигали и не имели никакого выражения. Как будто говорила не она, а кто-то другой, спрятанный в ее испанском воротнике.

— Кажется, снаряды что-то теплые как кровь,—опять заговорил кто-то неугомонный.

— Опять таки пустяки, потому что металл утомляется—ответило что-то спрятанное в белом высоком воротнике Берты Крупп.

— А посмотрите-ка: со станков что-то красное сочится, будто кровь,—заметил кто-то настойчивый.

— Ерунда! Пустое! — совсем угрюмо говорило неподвижное лицо Берты.—Это масло, масло скатывается со станков. Станки в работе потеют маслом, которое и струится по ним, как пот со лба.

— Нет, позвольте! Вон, вон в том углу рабочий взял железную балку. Разве вы не видите и, разве не чувствуете, как эта балка походит на

оторванную ногу человека. Смотрите хорошенько, смотрите!—настаивал кто то, которого никто не видел, а слышали все.

— Враки! Враки!—с тупым остервенением огрызалась заводчица—это железный толстый прут, а не нога. Идемте. Докажу.

Мы подошли ближе. Даже в глазах помутнело: рабочий в руках держал, действительно чью то оторванную ногу, окоченелую с прилипшими к телу темными волосками.

Берта на каблучке повернулась кругом. Словно под гипнозом я и другие тоже повернулись.

В глазах стало темнее. Но зато стало хорошо заметно, что все рабочие держали в руках, клали на наковальни и пропускали через станки не металл, а человеческие тела. Со станков текла и брызгала жидкая светло-красная кровь.

Из них делали снаряды.

И весь завод Круппа был наполнен парами крови и запахом мертвых тел.

А рабочие с засученными рукавами все работали и работали без конца. Напряженно. Неистово, словно находились под каким—то гипнозом. Кто—то их покорил и заставил их молчать об ужасе, наполнявшем завод.

— И все таки ведите, ведите нас по заводу. Показывайте нам все!— сказал кто—то.

И стали мы ходить по всем помещениям и везде было одно и то же: вместо железа—желтые трупы. Вместо железных балок—человеческие руки и ноги. Вместо ремней на передачах—человеческие жилы. Вместо масла—красная с желтым отливом кровь. Вместо гула машин и металла—тяжелый тихий стон замученных. А среди всего этого настоящие, живые рабочие работали без устали, клали груды снарядов, на грудах строили пирамиды из пушечных жерл.

Все боялись вымолвить слово. Обыкновенное человеческое слово здесь было бы страшнее всего. Все трудились с отчаянным остервенением. И не смотрели друг другу в глаза. Утомленные напряженной работой косились на темные углы и сточные канавы, по которым стекала отработанная кровь.

Берта повела нас во второй этаж по длинной, неуклюжей лестнице, какие бывают только в старых полуразвалившихся забытых жизнью замках.

Я увидал, что на лестнице стоит голый мертвец. Он прижался к перилам и заложил нога за ногу. Должно быть один из тех, которые являются материалом для приготовления снарядов.

Берта предупредила:

— Если Вам дорога жизнь, mein Herr, то при проходе мимо трупа не смотрите на него. И при этом, избави Вас небо, дотронуться до него хотя бы кончиком своей одежды. Однако и отстраняться очень тоже не надо, вообще не надо подчеркивать, что он мертвый. Проходите прямо, как бы не замечая его, но вместе с тем дьявольски осторожно. Идемте.

Я смотрел на кончик своего рукава. На один миг погрузился в рассчеты расстояний этого кончика от мертвеца. Сверху лестницы вдруг потянуло легким холодком, сквозняком. Мертвец, как кукла, пошатнулся и ткнулся мне в плечо. В уме моем пронеслись слова, непроизнесенные к мертвецу:

— Я не смотрел на тебя! Я не смотрел на тебя!

Губы мои не могли уже шевелиться. И мне казалось, что я мертвею. А труп, прислонившись ко мне, оживал. Я уже чувствовал, как он своими холодными и твердыми, будто каменными, руками забирал меня сзади за поясницу. Глаз мертвеца я не видал, но мне казалось, что они смотрят на меня откуда то сверху. Их стеклянные зрачки пронзали мое темя.

Я вырывался, а он меня сжимал. Началась борьба. Голова моя моталась, стремясь уйти от тех щупалец—глаз мертвеца, которые держали мой мозг на острие своих зрачков.

Борьба между мной, живым, и им, мертвым, становилась все неистовей, все злей. Я понял, что надо не вырываться из лап смерти, а нападать на мертвеца. Из всех сил я толкнул мертвеца по каменной лестнице вниз.

Главное, чтоб он разбился, чтоб смерть навсегда ушла от живых и не возвращалась к ним.

Труп полетел кубарем вниз.

А вслед за ним проваливался вниз и весь завод со всеми его трупами, человеческими частями тел, со снарядами из кровавой человеческой мешанины.

Все полетело вниз...

Осталась только каменная лестница, ведущая ввысь и я, стоящий на том самом месте, где раньше стоял мертвец.

В это время меня кто-то мягко, мягко тронул за плечи. Пробежала морозная дрожь по всему телу. Я оглянулся. Это была заводчица Берта Крупп. Ее лицо стало серым... Как будто оно было сделано из тех же затоптанных камней, что и лестница, на которой я стоял.

— Mein Herr, Вы победили,—сказала она.—Теперь нет снарядов и нет крови... А по сему, не правда ли, мне нечего делать на сей земле,— и из правого глаза ее упала одна слеза... слеза как острая сталь пронзила каменную лестницу.

— Adieu!—сказала заводчица.

Поклонилась изысканно вежливо и двинулась, чтоб уйти от меня.

В это время сновидение исчезло.

Завьялов, окутанный дымом махорки, сидел как заколдованный рассказом об этом странном сне.

— От войны это—сказал Завьялов.

— От войны—ответил Швейц.

Федякин.

(Из романа „ГУСИ—ЛЕБЕДИ").

А. Неверов.

Петракова выпустили в полдень. Кожаный бумажник, надетый рядом с крестом, камнем давил жилистую шею. Глаза испуганно слезились. Думал, обыскивать будут, украдут заветную тяжесть, скопленную недоеданием, страхом, грехом и обманом. Пока сидел в арестанской, бессвязно молился, путая молитвы с рублями. А когда молитва не успокаивала, злобно стискивал бумажник в кулаке сквозь грубую посконную рубаху. Путал молитвы с жалобной плачущей матерщиной, готов был умереть, не разжимая костлявого кулака.

На улице не узнал своего порядка, прошел мимо ворот. Остановился в переулке, подумал. Это его телега. Вот и колесо валяется, а сердешника нет.

— Ах, сукины дети, стащили!

Забежал во двор, у плетня свинья зарылась в навозную кучу. Только нос видно с круглыми ноздрями да глаза-маленькие щелочки. Поглядела свинья на хозяина расстроенного, хрюкнула.

— Здесь я, не бойся!

Две курицы в сенях клевали пшено из раскрытого мешка. Кошка на полке грызла кусок соленого сала. Вот они большевики! Через них приходится горе терпеть. Бросился Петраков на окаянную кошку,—куры захлопали крыльями. Одна в потолок поднялась. Словно сумасшедшая, забилась в куриной тревоге, царапая стену. Грохнулся горшок с чистым дегтем—опять останутся немазанными хомуты!

— Шиш, нечистый дух!

Попалась Петракову запорка сенная—вскрикнула курица, падая на спину. Задергала ногами, завертела маленькой обезумевшей головой.

— Опять убыток.

Схватил курицу на руки, испугался.

— Что ты? Что ты? Или я убил тебя?

И сала кусок валяется под ногами. Икнула курица в последний раз, глаза ушли под розовые веки. Вот они большевики! Изничтожить надо сукиных детей и жалеть никто не будет. Разве мысленное дело—народ уравнять? Сало—черт с ним! Срежешь то место, где кошка грызла, опять сожрешь. С курицей чего делать?

Голос из глубины хозяйского сердца успокоил.

— Отруби голову скорее—продашь.

* * *

Одна сидела Матрена, непонимающая. Пробовала дверь отворить в арестанской-заперто. Вздрагивала мелкой непривычной дрожью, мутно глядела на черные загаженные стены. Слышала голоса за стеной, топот лошадиный, вздыхала. Мысли разрывались клочьями. Мысленно прижимала ребят слабыми уставшими руками, плакала горько. Чужим становился Федякин, далеким. Не муж. Не было жалости к нему, скорбью и слезами иссушившему сердце. Злобой горели опухшие глаза. Губы, плотно сжатые, отрекаясь, шептали:

— Такая дорога тебе! Не жалел меня с рябятишками и я не буду.

Это в озлоблении.

А когда представляла себе, как ведут Федякина, связанного веревками по рукам, улюлюкающие мужики, испуганно вскрикивала, металась в тоске невыносимой. Дергала дверь, царапала ногтями в безумии. Били, наваливались мужики на Федякина, топтали поверженного, а он опять вставал окровавленный с разбитыми глазами, дальше шел через позор и мучение ненавидящих.

— Не убьете правды моей!

Светлая для Федякина, темной была для других эта правда, озарившая жизнь. Видели за ней амбары разграбленные, сундуки опорожненные, равенство в нищете и разорении. Дико вопили над связанным:

— Бей!

Видела Матрена страдания мужа, сидела пораженная. Маленьким ребенком становился Федякин, брошенным под ноги, заплеванным тысячью ртов. Брала его на руки мысленно, с нежностью материнской прижимала к сердцу.

— Скажи, чтобы я поняла! Чего хочешь.

* * *

Каюков сказал.

— Приведите!

Стоял он на крыльце в растегнутой гимнастерке, лениво помахивал плетью казацкой. Поманил собаку, поднявшую глаза на него, ударил по голове ременной плетью. Завыла, закружилась собака, грохнулась, обнимая голову передними лапами.

Матрена оробела.

Когда остановилась против прапорщика Каюкова, увидела не его в растегнутой гимнастерке, а толстую короткую плеть. Сердце налилось слезами обезумевшей собаки. Поглядел Каюков на бабу сверху вниз, брови сердито переломились.

— Ну?

Наступила короткая тишина. Камнем тяжелым придавило дыхание. Павел студент отвернулся.

— Говори, баба, где спрятала мужика?

Увидела мысленно Матрена Федякина, связанного веревкой, твердо сказала:

— Не знаю!

Так-же твердо и Каюков сказал:

— Врешь!

Выставил плетку вперед.

— Бить буду, тетка, говори!

Услышала Матрена подвыванье собаки, в одиночку плачущей собачьими слезами—сердце окаменело.

— Бейте, воля ваша!

— Значит, не скажешь?

— Я ничего не знаю.

Поглядел Каюков в темные застывшие глаза Матрены, крепче стиснул белыми пальцами короткую плеть. Понял: ненавидит его баба. Сапоги и гимнастерку ненавидит, каждый ноготь на руке и ноге. Бить придется. Не за мужа, который сбежал, а вот за эту ненависть темных неразгаданных глаз. Тошно глядеть в них, ничтожным делаешься сам перед собой, не похожим на прапорщика Каюкова.

— Ну?

Поглядела Матрена на прапорщика Каюкова, поняла: ненавидит ее этот барин с переломленными бровями. Откуда пришел он с белыми не мужицкими пальцами? Для кого держит толстую ременную плеть? Если встать на колени перед ним—будет бить Трофима. Если не встать на колени перед ним—будет ее бить. За что?

— Сказывай, баба, где спрятаны мужики?

Не страшным показался голос прапорщика Каюкова, далеким, чуть слышным. Увидела Матрена псаломщика, приходящего ночью, вспомнила слова, сказанные у порога торопливым голосом: „Муж твой хороший человек. Станут допрашивать—откажись“. Подняла голову, взглянула смелее.

— Что же вы мучаете? Нет у меня мужа, ничего я не знаю.

Вскрикнула, хватаясь за плечо, обожженное плетью, завыла собачьим испугом. Нахмурился Павел студент, шепнул Каюкову тревожно:

— Не надо! Беременная она.

* * *

Темной ночью под низко плывущим месяцем выехали чехи из Заливанова в темную притаившуюся степь. Мирно дергал коростель на лугах, журчали лягушки в болотах. Тихо телеги скрипели старыми натруженными осями, сонно звякал колокольчик на косматой шее перекатовскаго мерина. Шел он вожаком, твердо хлопая короткими мохнатыми ногами по мягкой проселочной дороге, деловито пофыркивал. Правил мерином перекатовский работник Евсей в большом солдатском картузе. Сидел на наклеске, разглядывая темное, медленно-ползущее облако, а в задке, прижавшись друг к другу зябко ежились чехи, покачивая сонными головами. И дивно было Евсею, перекатовскому работнику, мирно почвакивающему на толстого крутозадого мерина. Война начинается. Вот и ружья торчат тремя дулами и пули в кожаных мешечках у каждого. Будто на дальнее поле

едет он темной июльской ночью, везет жнецов, нанятых Перекатовым. Тишина. Светят жарники на ночных становищах, перекликаются лошади, невидные в темноте. На колокольне в Заливанове бьет одинадцать часов. Мирно кругом, утомленно. Пышет земля теплым соком, журкает ночь чуть слышными голосами, убаюкивает.

— Спите!

Поблескивают ружья с короткими носами и пули в кожаных сумках у каждого. Девять подвод, на каждой чехи. Выстрелят все враз—сколько народу уложат? Везут мужицкую смерть сами мужики и вот Евсей тоже везет, перекатовский работник. Нанимался поле пахать, а хозяин заставил вести мужицкую смерть. Почему не сам? Выскочат большевики, могут и Евсея убить, потому что чехов везет, потому что не большевик он. А кто же?

Ответил Евсей, не разевая рта:

— Все мы большевики, нас не узнаешь.

Испугался мыслей своих, поглядел на чехов, сонно покачивающих головами.

— Вот она, мужицкая смерть! Сам везу, дурак.

Подошел Федякин, в мыслях сказал.

— Ты, Евсей, пролетарий. Чего у тебя есть?

Долго думал Евсей, разглядывая темное, медленно ползущее облако, пробитое узеньким месяцем, мысленно ответил Федякину:

— Ничего у меня нет.

— К нам переходи, Евсей, к бедным трудящимся.

— Зачем?

— Воевать будем с богатыми.

Мирно скрипели телеги старыми натруженными осями, сонно звякал колокольчик на косматой шее перекатовскаго мерина. Думал Евсей. От дум болела голова, болело сердце: за Федякина с Синьковым, за Кочета с Кондратьем, за ведомых и неведомых: им везет мужицкую смерть. Нанимался поле пахать, а вышло вот как. Поэтому и папироска тухнет во рту и картуз обручем жмет встревоженную голову.

Радости нет.

* * *

Нет ее и у дьякона Осьмигласова. Сидит темной июльской ночью за большевистской программой, дрогнувшей рукой вывертывает тесьму из керосиновой лампы. Свету мало. Плавают тени по углам, за плечами жуть колыхается, давит виски мягкими горячими руками. Ой, господи! Читает дьякон Осьмигласов заголовок на обложке два раза; думает:

— К-ко-мму-ни-стическая!

Кладет программу на стол, медленно головой качает, как пьяный.

— Сколько всех партий и какая из них самая лучшая, чтобы никто в ней не трогал?

В пламени.

Н. Ляшко.

1.

Завод графитно-черен, прижат к мути неба и осыпан блекнущими звездами, С полей его хлещет белыми плетями вьюга. Пустая дорога зыбится, стонет. Над нею лунами качаются фонари. По разбрызганным ими озерам молочного света от столба к столбу плывет пятно. Спешу за ним и узнаю—Егорка.

С осени сидит за верстаком, из чана со скипидаром вынимает шрапнельные головки и крючком, паклей стирает с них ржавчину. А знает-ли, знает-ли что гладит тонкими в жилках грязи пальцами? Чудится ли ему, как рассечет оно воздух, с воем и грохотом вопьется в землю и брызнет телом и кровью?

— Шагай! шагай!—кричу.

Он оборачивается и поникает головою. Заглядываю в избитое ветром лицо, в прикрытые забеленными ресницами глаза и роняю:

— Еще пяти нет, а ты идешь.

— Проспать боялся,—сипит он.—А ты чего так рано?

— Мне надо,—бормочу я и тороплюсь.

Ветер сметает звуки шагов. Тру уши и порывисто режу грудью и лицом визгливоголосый холод. Надо скорее. Вчера мне дали на вечер редкую книжку. Дома рано погасили свет,—надо до начала работ дочитать ее.

Трубы мутят звезды. Сквозь хаос мечущегося снега завод кажется отчалившим в холодное море. Дуй, ветер! Злее, злее хлещите, волны! В нем много света, тепла, сил. Вот! он вздрагивает, озаряет окна потоками света и комкает тьму криком:

— Гу-у-у-у...

Глохнут стоны дороги, плач фонарей.

2.

Из-за всхлипнувшей двери пышет гарью, скипидаром, ржавчиной и теплом прогретых батарей. А Егорка еще там, на дороге, под плетями.

Лицо вспыхивает. Переплеты ремней и стропил цедят на простывшие станки свет. Тенью путаю тени, пятнаю серебро ступенчатых шкивов, стираю со станин блеск и качаюсь на стене. Под ногами похрустывают стружки.

Зажатые в центра винты, насаженные на оправки полуобточенные шрапнели искрятся в влажных глазах. Отпираю у станка ящик и тянусь с лампочкой к проводу. Свет выплескивается на меня из колпака, и я сажусь на ворох кованных снарядных станков.

Вынимаю книжку, слушаю, как бы не подошел кто, а строчки топочут по сердцу, наполняют грудь гулом. И новыми, иными становятся завод, станки, снаряды, стаканы, мое сердце.

Железо, немое железо, слышишь ли? До голубизны шлифую я тебя. Каждый удачный стакан из тебя—радость. А он вылетит из жерла, прободает ребра, крышу, может-быть, этой мастерской, сломает стропила, взорвет эти станки... и мой, вот этот... И, может быть, я обагрю его...

3.

Завод криком трясет мастерскую и меня. Строчки скачут быстрее и перебирают в спине ниточки. На них издалека падает розовый свет.

— Ах, да, погодите, погодите со своими стаканами.

Но в уши впрыгивает крик. Выпрямляюсь и вскакиваю: за станками, у верстаков, где вытирают шрапнельные головки, на ворохе пропитанной скипидаром грязной пакли столбом пляшет пламя.

Прячу книжку и бегу. Руки напрягаются. Сейчас ввинчу в гнездо пожарный рукав, открою кран и буду хлестать ледяной струей в жадные пасти.

Вдруг из пламени полоской огня выпрыгивает человек, кидается к полусобранным машинам и кричит, нет не кричит,—клокочет, рвется от боли.

Крик цепенит меня. Пол прихватывает ноги, и я замираю. Сплю, а глаза до боли открыты. Горящий мчится по главному пролету и горит все ярче. Разметочные плиты, груды железа скрывают его ноги, и он кажется летящим индейцем в щите из огненных перьев.

Пламя прыгает на его рукава. Он в муке двигает руками к голове и вперед, к груди и вперед. Обливает все пламенным светом и тянет за собою мои глаза. Я не могу двинуться, дрожу. Руки мои, голова—весь я вместе с ним в пламени, но не верю, что это живое, что это правда. Это призрак!—слетел со страниц недочитанной книжки и мчится, зовет. Эй, железо, стаканы, снаряды, куда, куда?!

Мелькают люди. Один в папахе, порывается схватить горящего, багровеет в его свете и отпрыгивает... И жутче хрипит крик, выше взмывают острые перья щита.

Из-за шкафа с чертежами выбегает тень, хочет метлою сбить индейца с ног, сгибается—и мимо. Меня передергивает. Снимаю пальто и кидаюсь через станки. Грудь теснит желание обнять горящего и пальто смять на нем пламя.

Решетка крайнего станка впивается в блузу и отбрасывает назад.

Вырываюсь, а индеец уже вот-вот,—с шипеньем волос и кожи, с гулом и треском проносится мимо и через груду литья обмахивает меня гарью.

Карабкаюсь и бегу за ним. Кем то открытая дверь проглатывает его. Идущие на работу сбивают его с ног, гасят, кладут на ватный пиджак и мечутся.

— Носилки! Носилки!—звенит в снежном вихре.

Проталкиваюсь, склоняю голову и вздрагиваю: Егорка. Корчится, качает головою, весь боль, весь судорога. Милый, славный, где и когда—обагрятся вытертые тобою головки шрапнелей? О, как рады, как рады ветер, холод и снег, что ты стоном подпеваешь им?

Пожар в мастерской погашен. Нас все больше. Дышем гарью платья, волос и сочащейся крови. Нас томит, душит, лихорадит.

Глаза вновь и вновь тянутся к уходящему от нас родному пятну на снегу, но видят не маленького худого Егорку, бредущего по стонущей дороге, а пришпаренный мукой, пламенный призрак с рвущимися от головы и вперед, к груди и вперед горящими руками.

1920 г.

Ал. Соколов.

Инвалид.

А. Новиков-Прибой.

Серый и скучный день поздней осени. Дымчатые тучи, закрывая солнце и синеву неба, громоздятся друг на друга бесформенными, неуклюжими пластами. Ветер, порывистый и злой, все рвет на своем пути, ожесточенно гнет обнаженные черные деревья, рябит в лужах воду и, точно желая напугать людей, надрывными голосами воет вокруг домов. На маленькой и грязной станции, кутаясь, толкутся мужики, бабы, приказчики, торговцы. Чья-то мокрая белая собака, потеряв хозяина, бегает между людьми, нюхает и, поднимая голову, заглядывает в лица. Немного поодаль, около бакалейных лавок, трактиров и торговых контор, стоят привязанные лошади. Вокруг яровое поле, пустынное, угрюмо-серое, с черными взрытыми полосами там, где был посажен картофель.

Вдали на полотне показывается вечерний поезд. Густой, бурый дым, выбрасываемый паровозом, тянется над вагонами, разлохмачиваясь, точно грива на сказочном коне. Раздается долгий остро-пронзительный свисток. Уже слышен железный гул громыхающих колес, чувствуется мелкая дрожь земли. Еще несколько секунд, и поезд устало пыхтя, подкатился к станции.

Из вагонов выходят пассажиры, спешно направляясь в буфет. Одни громко здороваются, другие прощаются.

С поезда сошел Гаврила Водопьянов, болезненно сутулый, в старой рваной шинели и черной лохматой папахе. Лицо его окутано желтым башлыком, виднеется только один глаз. За спиной грязный, посконный мешок, набитый вещами. К одной ноге приделана деревяшка, а другая обута в казенный рыжий сапог с широким тупым носком. Опираясь на костыль, он идет вперед левым плечом, к которому свернуто лицо, идет медленно, как дряхлый, помятый жизнью старик. Остановившись около кучки мужиков, он внимательно оглядывает их лица.

— Из Горбатовки тут никого нет? — глухо спрашивает Гаврила.

— Кажись не видать, — отвечает мужик с окладистой бородкой.

— А тебе на што?

— Домой еду. Думал — подвезет кто из своих.

Молодой парень с глуповатым безбровым лицом, поглядев на Водопьянова, заявляет:

— Свести можно. Я хоть из Васьневки, но мне все равно ехать через вашу деревню. Сейчас и катнем. . .

— Идем угощу,—предлагает Водопьянов.

Мужики начали было спрашивать его о войне, но он не отвечая, тихо уходит в сопровождении молодого парня.

В трактире, когда Гаврила развязал башлык, парень отшатнулся от него.

Лицо солдата похоже на безобразную маску. Сорван нос, выбит глаз, и вся

правая часть лица в глубоких багряных шрамах, точно нарочно исковырена. Борода растет мелкими клоками. На лбу и висках мертвенно-желтая кожа покрыта грязью, как-будто Гаврила не умывался несколько месяцев.

— Ну, брат, я те прямо скажу — страшен ты,—говорит парень, удивленно качая головой — Неужто на войне так утешили?

— Да! — недовольно отвечает Водопьянов. Он оглядывается вокруг и, встретив удивленные взгляды людей, низко наклоняется над столиком, сгорая от стыда за свое изуродованное лицо.

— Эх, што сделали с человеком! — продолжает парень. — То-есть, испортили куды зря. . .

Уже начало смеркаться, когда они тронулись в путь. Лошадь, продрогнув, мчится домой быстрой рысью, забрасывая седоков грязью. Гаврила лежит боком на чечевичной соломе, сумрачно оглядывая знакомые места. Прыгают колеса, катаясь по неровной колее, деревянная нога стучит о дно телеги. Парень сидит рядом, распахнув халат. После того, как побывал он в трактире, лицо его стало красным, как хорошо обожженный кирпич.

— А ну, брат, расскажи, как вы там дрались? — пристает он к Гавриле.

— Не могу. . . Да и что там рассказывать? . . — отзывается тот, глядя на молодого, полного здоровья и силы парня, весело покрикивающего на лошадь.

Дождя нет, воздух становится свежее, но ветер дует с прежним упорством, и небо, закрытое тучами, не проясняется. Проезжают овраг — впереди широко раскинутый темно-зеленый ковер озимого поля, а по нем черной змеей извивается узкая дорога, исчезая в темнеющей дали. Станции уже не видно. Кругом—ни людей, ни скота. Только на встречу едет одна подвода, на которой, точно обгорелый пень, неподвижно сидит черный бородатый мужик.

— Постойте-ка, братцы! — поровнявшись, кричит он, — нет ли у вас табачку на трубку?

— Найдется, — откликается парень, задерживая свою лошадь.

Обе подводы останавливаются недалеко друг от друга.

Гаврила, услышав знакомый голос, приподнимается и смотрит на мужика, соскочившего со своей телеги. Да, так и есть—это однодеревенец, сосед, крестивший его сына Илюшку.

— Здорово, кум Родион! — приветствует солдат.

— Здорово! — отвечает мужик, вытягивая шею и всматриваясь в страшное лицо. — Я што-то признать тебя не могу. . .

— Гаврила я. . . Водопьянов. . .

— Кто-о? — вылупив глаза, переспросил тот.

— Кум твой - Гаврила. . .

Парень достает из кармана кисет с табаком, а бородатый мужик уже пятится назад и крестится; вскочив на свою телегу, он хлещет изо всей силы лошадь и мчится вскачь:

— Вот дурашный! — глядя ему вслед хохочет Степан. — От кума бежит. . . Не даром про ваших говорят: живут люди в лесу, молятся колесу. . .

И дернув лошадь вожжами, опять закатывается смехом.

Водопьянов, не говоря ни слова, уткнулся в солому лицом и безотрадные думы грустно зароились в его хмельной голове. В плену он много мучился от физиче-

ской боли, а еще больше от сознания, что в жизни он стал ненужным человеком и что своим безобразным видом он будет возбуждать у других только горькое чувство отвращения. Не раз им овладевала даже мысль покончить с собой. Но там таких калек, как он и даже хуже его, много, и это медленно, но упорно примиряло его с тяжким положением.

Ночь беспредельным черным пологом окутала землю. Куда ни глянь, ничего не разберешь, все утонуло в глубоком мраке. Лошадь идет шагом, лишь чутьем угадывая знакомую дорогу. Ветер с яростью дует в бок телеги, будто силясь опрокинуть ее. Парень, под впечатлением недавней встречи, нет — нет, да и заговорит с хохотом.

— Как он от нас прыснул, кум-то твой... Ну и чудила, протобес его дери! Прямо уморил, ей — право! .. Эх слышь, как бы погнаться за ним, а? Кишка бы у него выскочила...

Обращается к Гавриле.

— Ты што молчишь?

— А чего мне говорить?

— Ну, так — вобче...

— Мне не до разговору...

Степан весело понукает лошадь, а Водопьянов, стараясь отогнать мрачные думы, представляет себе, как он встретится со своими детьми. Конечно, сначала они будут бояться его, но потом привыкнут; он задобрит их подарками, которые спрятаны у него в мешке: девочке он даст невиданную куклу, а мальчику-китайца, который, если завести пружину, сам бегает по полу, возя за собой и маленькую тележку.

В воздухе, точно белые бабочки, начинают кружиться легкие пушинки снега. Все больше их, все гуще падают они на землю. А вдали, сквозь белую сеть снега, уже сверкают огни Горбатовки.

Жестяная керосиновая лампочка на стене слабо освещает избу Водопьяновых. Семья ужинает. За столом сидят два брата, их жены и шестеро детей. У мужиков, привыкших к холоду, потные лица. Квас и постные щи хлебали вволю, кто сколько мог, но когда подали на стол пшенную кашу с постным маслом, начали соблюдать очередь. Сначала черпает ложкой Трифон, за ним Савоська и так идет дальше, кончая трехлетним карапузиком. Ребятишек, нарушающих этот порядок, старшие щелкают по лбу ложкой, строго крича на них:

— Эй куда?

Все жадно смотрят в общую деревянную чашку. Лица усталые, глаза посоловелые, говорят мало. По стенам и потолку, вылезая из щелей и шевеля усиками, разгуливают тараканы; они дерзко лезут на стол, падают с потолка в чашку.

С улицы доносятся звуки завывающаго ветра, гремят в сенях двери, вздрагивают стекла окон, густо залепляемых пушистым снегом.

Трифон, взглянув в окно говорит:

— Эка, как взыгралась погода-то... Беда!

— Да што я никак в толк не возьму: живой ветер, али нет?—обращается к брату Савоська.—Послухаешь—гудет ровно человек.

— Ветер-то?

— Да.

— Как те сказать...

Трифон, перекинув руку через плечо, чешет лопатку и уверенно отвечает:

— Дух—это.

— Скажем так. А какой он,—чистый, али нечистый?—проглотив кашу и облизав ложку, продолжает Савоська.

— Не знаю. А только боязно ночью. Особливо в лесу али в поле...

Вяло и нудно, точно сквозь сон, продолжают братья свою беседу.

В сенях хлопнула дверь; чувствуется, что ветер врывается внутрь сеней, слышны чьи-то шаги, тяжелые, точно лошадиные.

За столом, затаив дыхание, все пугливо переглядываются.

Кто-то долго шарит рукой по стене. Открывает дверь, и в избу, переступив здоровой ногой порог, не сразу входит Гаврила, обрызганный грязью и обсыпанный снегом. Он останавливается посредине избы, точно кошмарное видение, сумрачно осматривая семью из-под волокон лохматой папахи.

Все замерли от страха. У кого была каша во рту, так и осталась непроглоченной. Лица побелели, как мел, глаза смотрят, не мигая, точно стеклышки.

Гавриле видно, что смертельно испугал всех, и сердце его до слез наполняется тоскливой болью. Но он сейчас-же овладевает собой. Чтобы скорее успокоить своих родных, он быстро сдергивает с головы папаху и, перекрестившись на иконы, говорит:

— Здорово живете!

— По-по-подика здорово...—бормочет Трифон помертвевшими губами.

Дети, точно по команде, все разом начинают реветь, бабы шепчут молитвы.

— Не узнаете своего Гаврилу?—с горькой обидой в голосе спрашивает солдат. Левый глаз его наполняется слезами. Он подходит к конику и начинает раздеваться.

Савоська, осмелев, кричит:

— Братух! Да неужто это ты?

— Знамо—я...

А Трифон, все еще сомневаясь, начинает допрашивать Гаврилу:

— Постой, постой... Как-же это так?... Ведь ты же убит был?...

— Стало быть, не убит, коли об'явился.

— Вот дела-то... А ведь я тебя за покойника принял...

— Господи, да с чего вы взяли? Я в плену находился...—рестегивая ремень на шинели, отвечает Гаврила.

Из-за стола первым вылезает Савоська, за ним Трифон, а потом бабы. Близко подойти к солдату боятся, веря и не веря собственным глазам. Но страх понемногу проходит, только дрожь не перестает прохватывать, точно окунулись все в ледяную воду. Мужики вздыхают, бабы всхлипывают, а дети, сбившись в передний угол, затихают и с жутким любопытством смотрят на Гаврилу.

Оставшись в одном потертом мундире, солдат с костылем в руке подходит к столу и тяжело садится на лавку. Дети убегают от него в дальний угол, а взрослые, один за другим приближаясь, здороваются с ним за руку, но не целуются.

— А батька приказал тебе долго жить,—печально сообщает Трифон.

— Помер?

— Да.

Инвалид

Гравюра В. Фалилеева.

Солдата передернуло. Шевеля нижней челюстью, он молча крестится. Потом, оглядев ребятишек, баб и всю избу, тревожно спрашивает:

— А где жена? где дети мои?...

Бабы и братья, продолжая стоять перед ним, молча переглядываются между собой.

— Да говорите-же скорей!—с дрожью в голосе кричит Гаврила и, предчувствуя какую-то беду, весь настораживается.

— Жена здорова, и дети, слава богу...—начинает Трифон, нервно шевеля пальцами тощую бородку.—Только эдакое дело вышло... путаное...

Замолкнув, он смотрит на меньшого брата, а тот, скосив глаза куда-то в сторону, поясняет дальше, разводя руками.

— Тут, брат Гаврила, тово... старшина бумагу объявил—будто убили тебя... Мы и панихиду о тебе справили, в поминание за упокой твоей души записали... Все, как следует быть,—по—христиански... И все бы ничего, да, вишь, рыжий чорт овдовел, Ларион-то Бороздилов. Мы баем Фроське—живи с нами: поддержим. И обходились с нею по свойски. А она—нет, не хочет... Взяла да и вышла замуж, за рыжаго-то...

Солдат подался туловищем вперед, умоляюще переводя левый глаз с одного лица на другое. Ему до смерти хотелось, чтобы кто-нибудь опровергнул слова Савоськи и объяснил это по иному. Но все стояли молча, не двигаясь, опустив головы. В избе стало тихо и будто сумрачнее, а на дворе злобно бушует снежная вьюга, глухо дергая ставни окон, хлопая в сенях открытой дверью, потрясая ветхие стены избы.

— Как замуж?...—все еще не понимая брата, хрипло переспросил Гаврила.

— Да по настоящему—в церкви венчались...

Тяжело, точно огромная каменная глыба, ударило в голову солдата это известие. Он как -то безспомощно присел, задохнулся. Потом безобразное лицо его сморщилось, рот перекосился, две красные дырки на месте сорванного носа зашевелились... Долго что-то шарил вокруг себя, бормоча:

— Что со мной делают?... Эх!...

~~~~~~~~

Ветер, угомонившись за ночь, замер,—утро тихое, слегка морозное. Восток разгорясь, окрашивается в розово-оранжевые тона. Разгоняя тьму, торжественно наступает рассвет, и все выше поднимается матовое небо, на котором лишь кое-где остались обрывки вчерашних туч. На земле и на соломенных крышах изб тонкой пеленой лежит снег, чистый, белый, с розоватым оттенком. Деревня просыпается. То проскрипят ворота или хлопнет дверь, то раздастся человеческий голос или промычит проголодавшаяся за ночь корова. В двух—трех дворах мужики рубят дрова. В садах и на деревьях около изб, точно радуясь, после вьюжной ночи приближению ясного дня, как-то особенно резко кричат галки, чирикают воробьи, стрекочут сороки. Все звуки отчетливы и ясны. Кое-где уже топятся в избах печи,—в окнах, весело играя, отсвечивает трепыхающееся пламя, а из труб и раскрытых дверей валит серый дым, поднимаясь прямо вверх и медленно тая в свежем воздухе.

Гаврила, сопровождаемый двумя братьями, идет к Лариону Бороздилову. Шагает он тихо и осторожно, выпирая вперед левое плечо, точно под ним узкая дос-
~~~~~~~~

ка, перекинутая через глубокий ров. Известие о жене и детях так на него подействовало, что он ночь провел, не засыпая ни на одну минуту, и теперь чувствует себя усталым, раздраженным. Трясутся руки, дергаются на изуродованном лице мускулы, а в тяжелой, точно разбухшей от боли, голове мысли путаются, мешая думать. Смотрит одним глазом на черные, присевшие к земле избы, на дворы с провалившимися крышами, на голые ветлы и пустые огороды. И странно, во всем чего-то не хватает ему, деревня кажется не такой, какой была до войны. Вот старик Костя, сгорбленный, с длинной белой бородой, вышел на крыльцо, протер сонные глаза, широко зевнул и, сняв шапку, три раза перекрестился, глядя на пламенеющий восток. Ванька-Косуля перед окнами своей избы запрягает саврасого мерина; заметив Водопьяновых, останавливается и пристально смотрит на них. Впереди, гремя железным ведром бежит к колодцу молодая баба.

— Не переходи, Настя, дорогу!—серьезно кричит ей Трифон.

Баба, остановившись, с минуту испуганно глядит на солдата и бежит обратно в избу.

Ларион со своей семьей уже встал, когда пришли к нему Водопьяновы. Сам он находился на дворе, Фроська топила печь, две девочки играли на конике, а Илюша с ножом в руке, сидя на лавке около стола, что-то мастерил из лучин. Войдя в избу, просторную, по белому, со светлыми окнами, братья остановились у порога. Трифон и Савоська помолились богу и поздоровались.

Увидев солдата, Фроська с бледным лицом и посиневшими губами пятится назад и, поднимая к груди руки, садится на лавку. Ребятишки, сорвавшись с места, подбегают к матери и в страхе прижимаются к ней.

Гаврила, не снимая папахи, молча стоит на одном месте, точно вросший в пол. При виде детей (одна девочка не его, а Бороздилова) и жены, ставших для него чужими, сердце наполняется жгучей обидой. Он укоряет жену глухим сдавленным голосом:

— Фроська, што ты сделала?... При живом муже замуж...

Гаврила хватается рукой за приступок печи и уныло опускает голову.

Братья, не зная, что делать, бесшумно переминаются с ноги на ногу, искоса бросая на бабу враждебные взгляды. Минуту в избе тихо. Слышно, как, разгораясь, потрескивают в печи сухие дрова. Большой, черный кот, пробуя силу своих когтей. царапает ножку стола. В боковое окно робко заглянуло светлым лучем яркое солнце.

В избу, держа хомут, пахнущий дегтем, входит Ларион в сером суконном коротыше, туго подпоясанный кушаком, в тяжелых опойковых сапогах и барашковой шапке, вокруг которой курчавятся рыжие волосы. Не торопясь, он подходит к лавке, кладет на нее хомут и, повернувшись, внимательно оглядывает солдата с ног до головы. Узнав Гаврилу, хмурит густые брови, по лицу его пробегает еле заметная тень тревоги.

— Ну, што скажете? — расправив на две половины рыжую бороду, твердо спрашивает он.

— За женой пришел... — подавляя в себе волнение, отвечает Гаврила и с бессильной завистью смотрит на соперника,—дюжого и сильного.

— А еще за чем?

— Отдай жену и ребятишек...

Тяжело передвинув ноги, Бороздилов глухо бросает:

— Нет, Гаврила, не получишь ничего...

Вмешивается, подняв указательный палец правой руки, Трифон.

— Обожди, Ларион! Ты не имеешь никаких правов держать чужую жену и ребятишек.

— Врешь—есть права!—возражает Ларион, повышая голос.—У попа в книгах они прописаны. Я не как-нибудь, а по закону живу с женой... Да! И свадьба мне стоила шестьдесят целковых. Понял?..

Спор разгорается. К нему сбегаются мужики, бабы, ребятишки, с любопытством заглядывая в окна. Фроська, опомнившись, закрывает фартуком лицо и вздрагивает. Около нее жмутся девочки, а Илюша подбежал к Лариону, теребит его за портки, крича:

— Батек, прогони их...

— Сынок, поди ко мне...—зовет его Гаврила.

— Пошел к чорту!—отвечает ему Илюша, прячась за спину Лариона.

Какая-то темная волна хлынула в голову солдата, заливая сознание. Он громко застучал костылем об пол, весь дергаясь, выкрикивая бессвязные слова и брызгая слюной.

— Што мы смотрим на рыжего дьявола? — вдруг встрепенулся Савоська.— Забирай, Гаврила, бабу с ребятишками и вся недолга! Твоя—ясно...

Поднимается шум, крик. Ребятишки плачут. Водопьяновы, размахивая руками, ругаются, грозят силой взять Фроську; Ларион загораживает им дорогу и багровея, сверкая злыми глазами, рычит:

— Только посмей!.. Не пущу живого!.. Башку оторву, кто близко подойдет!..

Растопырив мускулистые руки, выпятив широкую грудь, весь ощетинившись, он крепко стоит на толстых кривых ногах.

А когда Савоська, сжимая кулаки, сделал шаг вперед, Ларион обернулся назад, взял из под лавки топор и размахнувшись им, закричал во все горло:

— Изничтожу!..

Трифон и Савоська в ужасе выбегают на улицу. Гаврила не трогается с места; подняв голову, он смотрит в дикое лицо, приблизившегося к нему, Лариона. Встречаются их взгляды, полные ненависти и злобы.

— Уходи!—сквозь оскаленные зубы цедит Ларион, шевеля рыжими усами.

— Руби!—отвечает солдат, задыхаясь.

— Не доводи до греха...

За окнами слышны крики.

Фроська, растерявшись, сначала было заголосила, а потом, бледная, бросилась на шею Бороздилову и, отталкивая его назад, к лавке, заговорила:

— Лариоша, не надо... Голубчик, ненаглядный, успокойся... Успокойся, милый, не губи...

Гавриле показалось, что у него сейчас лопнет сердце,—он задрожал весь, посинел и, торопливо уходя из избы, хрипло выругался:

— Сволочи!..

Ларион после него запер сенную дверь на глухую задвижку, вернулся, сел на лавку и, согнувшись, глубоко задумался.

— Што-же нам теперь делать?—спросила Фроська, заливаясь слезами.

Ларион, не отвечая, угрюмо смотрел в пол.

Около дома Бороздилова—почти вся деревня. Снег истоптан, смешан с грязью, и только на огородах и полях, залитый сиянием холодного осеннего солнца, он сверкает снежной белизной.

Гаврила, замешавшись в толпу, часть которой ему сочувственно поддакивала, еще долго, изгибаясь и рыдая, выкрикивал:

— Братцы!—За что меня обидели?...—Я кровь проливал за отечество, за вас... А тут вот что...

Потом глядя на дом Бороздилова, со злобой угрожал:

— Подожгу... Застрелю вас обоих из поганаго ружья... Мне теперь все равно...

А когда братья привели Гаврилу домой, он достал из грязнаго мешка, приготовленные для своих детей игрушки, ударил о пол и начал топтать их здоровой ногой...

Проходит день, другой.

Солдат никуда не показывается, сидит дома и, кипя дикой злобой, обдумывает, как отомстить Бороздилову. Тяжелые, темные, как ночь, неизбежно-злые мысли обуревают его.

Вдруг приходит к нему знакомый мужик и, вызвав в сени, таинственно сообщает, что Ларион зовет его к себе, хочет помириться и отдать ему жену и детей. Сбитый с толку, Гаврила долго колеблется, полагая, что тут хитрый подвох, но мужик разубеждает его в этом,—он отправляется к сопернику. Встречаются на крыльце, куда тот только что вышел. Ларион в одной рубашке, без шапки, удрученный свалившимся на него бедствием, с потемневшим лицом, рассеянно здоровается и низким, корявым голосом говорит:

— Да... вот как... Решил я, брат, покончить без суда, по человечески... Друзьями мы с тобой были, друзьями и останемся. Идем ко мне.

Ведет Гаврилу в избу, усаживает его за один конец стола, а сам грузно садится за другой. На столе приготовлена водка и закуска. Все неловко молчат. Притихшая Фроська сидит на лавке, утирает слезы и пугливо ежится, боясь посмотреть в страшное лицо своего первого мужа.

С печи, прячась за трубу, робко выглядывают ребятишки. У Лариона борода и усы странно спутаны, лицо измято, а голова с рыжими всклоченными волосами кажется несуразно большой, точно распухла от дум.

— Хватим!—разливая по стаканам водку, обращается он к Гавриле.

— Можно,—отвечает тот, кивая головой.

Чокнувшись, оба опоражнивают стаканы.

Ларион сплюнул, вытер рукавом рубахи усы и, не громко хлопнув ладонью по столу, медленно, взвешивая каждое слово, заговорил:

— Ну вот, Гаврила, давай побеседуем... По душам... Не буду таиться: узнал я от людей—по закону жена должна тебе принадлежать. Да... бери ее, бери и ребятишек... Хоть сейчас...

У Фроськи замирает сердце.

Гаврила, напрягая мозг, внимательно прислушивается к словам Лариона, а тот, неопределенно водя по воздуху правой рукой с растопыренными пальцами продолжает:

— На жену не серчай. Она не причем. Не знала, што ты жив, а от братьев твоих ей житья не было... Вот и поторопилась... А я жил с Фроськой в согласии,

в мире... От сердца говорю,—баба—золото! И ребятишек твоих полюбил. Думал вскормить, вспоить их, да в люди вывести, как по божьи... А теперь дело пропащее, Дело, знаешь, тово...

Оборвав свою речь, он стиснул зубы и безнадежно замотал рыжей головой. Лицо его сделалось усталым, скорбным, поперек крутого лба легла толстая красная складка, налитые кровью глаза, упрямо и мрачно уставились в угол противоположной стены. Глядя на него, Гаврила как-то сразу обмяк; в разбитом его сердце впервые шевельнулось участие к своему сопернику, злоба медленно исчезала, уступая место чему-то доброму, мягкому. Выпили еще по стакану. Ларион, шумно выпустив из груди воздух, произнес.

— Давай, друг, обсудим хорошенько; как быть нам?

— Что-ж давай,—соглашается Гаврила, повертываясь левым боком к Бороздилову.

— Жену свою и ребятишек любишь?

— Знамо люблю... А то-бы и не вернулся....

— Так... Ну, а как же будешь с ними жить?

— Как нибудь, бог даст, проживу.

— Проживешь-ли? бог-то бог, а сам не будь плох. Это давно всем известно. Надо подумать... двое детей есть, а тут еще третьяго жди...

— Как?—широко раскрыв левый глаз, спрашивает солдат.

— Очень просто: брюхата она, Фроська-то... Пятый месяц....

Опять—больно и страшно стало солдату, точно кто-то злой, не переставая преследует его, нанося удар за ударом. Тяжело дыша, он смотрит на Фроську,— черные глаза ее смущенно потуплены, лицо залито краской стыда. Гаврила потирает рукой свой восковой лоб, хочет что-то сообразить, не может. А Ларион, помолчав убеждает, роняя, точно камни, грузно падающие слова.

— Погубишь только бабу и ребятишек. Не жизнь им с тобой. Да, не жизнь... Посмотри на себя и подумай—куда ты годен? Бояться тебя будут... И не жилец ты на белом свете. Может, год-другой промотаешься, а там и капут. Што тогда делать?... Ты только смекни—сколько несчастных через тебя будет... Ты не пеняй, што я так... Я, любя, это говорю...

Он долго еще толкует в таком-же роде, а Гавриле кажется, будто разрывается черная завеса, заслоняющая его мозг, и все ясней становится ему, что он вернулся домой на погибель другим.

— Ну, што-же, што мне делать теперь?—отчаянно выкрикивает он, хватаясь руками за голову. И слышит уверенный ответ, точно сама судьба говорит ему:

— Уходи куда-нибудь... Скройся... Раз любишь жену и ребятишек, ты должен это сделать... А со мной им хорошо будет, как у христа за пазухой...

— Да куда я могу уйти?

— Хватит места на земле...

Гаврила, подумав тихо говорит:

— Да это верно—надо скрыться... Лишний я тут.

В душе его вдруг стало тускло и холодно. Охваченный тупым равнодушием, он кажется каким-то дряблым, точно сразу постарел на много лет. Острые плечи его опущены, левый глаз прикрыт. Он решительно вылезает из-за стола и, неуклюже протягивая Лариону руку, говорит упавшим голосом:

«Летучка». *А. Кравченко. 1916 г.*

— Прощай, брат... Владей... Только не бросай...

Ларион, пожимая руку и не глядя солдату в глаза, сквозь слезы отвечает:

— С господом... Я все сполна сделаю... Не поминай лихом...

Гаврила подходит к жене.

— Ну, Фроська, больше не увидимся... Люби теперь другого...

У Фроськи дрогнуло сердце, вспыхнула горячая, как пламя, жалость к отцу ее детей, так жестоко и несправедливо обиженному жизнью—она упала перед ним на колени и горько заплакала.

— Гаврилушка... Болезный ты мой... Согрешила... Прости,..

Он махнул рукой и, пошатываясь, стуча деревянной ногой, молчаливо направляется к двери. Безобразное лицо его перкошено и мертво, точно каменнное. У порога останавливается, неловко надевает на голову папаху, один край которой подвернулся внутрь и, словно слепой, долго ищет дверную скобку.

Ларион глядя ему вслед, стоит на одном месте, крякает, растерянный, измятый с посеревшим лицом, словно он только что проснулся и ничего не понимает. Одна рука его заложена за пояс, другая—сердито рвет рыжую бороду. А Фроська, не вставая с пола, сжимая руками виски, все умоляет о прощении.

Гаврила выходит на улицу.

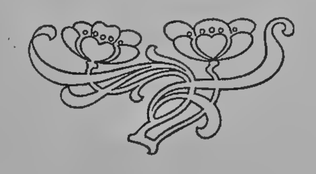
Вечер. Сгущается, плотнеет осенняя тьма вокруг. Мертвенно-свинцовое небо моросит мелким дождем. Всюду черная, липкая грязь и мутные лужи. Низкие избы сиротливо насупились, приникли к сырой земле, точно зябко им. Не видно ни одной живой души. Солдат, опираясь на костыль, тихо идет вдоль улицы. Серая изношенная шинель, без пояса, нескладно висит на его костлявом туловище, точно на скелете. Деревянная нога глубоко увязает в мягкую землю, а другая, обутая в рыжий сапог, шлепает по жиже. Усталый и измученный, он сделает несколько шагов, остановится, тяжело переводя дух, и бредет дальше.

— Что сделали...—вяло бормочет он, отмахиваясь рукой, точно отгоняя муху.

Чувствует себя одиноким, никому в целом мире ненужным, точно он попал на другую землю, неведомую и безлюдную. Родная деревня, где он вырос, где пролил столько поту, бросая в землю вместе с семенами и свою молодую силу, где знакома каждая мелочь,—даже родная деревня стала для него теперь чужой и неприятной. И все милое, чем жило его сердце, куда-то безвозвратно ушло, исчезло, а вместо того тяжело надвинулась мгла, холодная и тоскливая.

Гаврила останавливается, блуждает одним глазом по сторонам улицы, точно обдумывая, куда ему идти.

Хмурится низко нависшее небо, наростает тягостный сумрак, и всюду молчаливо как в безжизненной пустыне.

Первая стычка.

(из романа „МЕЛЬНИЦА.)“

П. Яровой.

Игривы, переливчаты звезды в бездонной купели. Истекает небо серебряной кровью, гуще и гуще марево светящихся капель. Ковшом опрокидывается большая медведица, углом свисает там, где город Бузлак: не звездным ли знаменьем сходит давно ушедший с земли человек Урен, чтобы землю насытить жаждой вольных криков. Мрачнее гора, сторож вековой, а над Глухоманью тишина.

Только на одной пяди земли, за околицей гомон. Глухомань тишиной обманывала пирующий отряд Ванятина. Атаман и пятьдесят молодцов неслышно прошли околицей с другой стороны села, обвалом грянули на совет. Зачурался Матвеич. Приказ атамана короток:

— Сию минуту сюда председателя.

Полсотня пробралась во двор и там засела, оставив у крыльца и ворот часовых.

Рыжий сутуло встал перед лицом атамана, поглядел из-подлобья. Дело перескочило шутку, увильнуть не пора, а крепко держаться на ногах ему ли, кто явился на свет слепорожденным. Ахнешь—не разжалобишь, ударишь кулаком—не испугаешь, на колени встать...

Атаман посмотрел свирепо.

— Вы... саботажничать...

Револьвер у лба Рыжего. Мысли, как и сталь, холодные: „Успеет ли баба кликнуть“. Пятится назад.

— Я што... Председателем без году неделю.

У двери железная тень Калины. Силится он поднять веки, чтобы видеть, руки, чтобы смахнуть с плеч тяжесть. Железные мускулы затекли. Только губы шевельнулись:

— Пес...

Рыжему не до глаз Калины—сам отяжелел.

Атаман через дуло револьвера вдыхает в тело дрожь. Язык, напоенный дерзостью, звонит пугающим набатом.

— Бери перо и пиши.

Рыжий раскачивается.

— Пиши: я председатель Уренского Волисполкома отдаю себя в руки атамана и на милость его голову свою, чтобы граждане села Уреня подчинились атаману. В залоге моя голова пребывать будет до тех пор, пока народ уренский не даст круговую поруку в верности атаману Именинникову.

Ручка падает на стол, потом на пол. Рыжий изнутра, с ненавистью смотрит на атамана.

— Не стану писать.

— Что-о...

Со стены пронзил огненный глаз тысячей усмешек. Словно лучи льют оттуда, или набухают глаза, мякоть под черепом, а тело наливается хмелем. И атаман увидел огненный глаз и свирепый взгляд Рыжего, подкрепленного со стены.

— Там ищешь защиты.

Глухой гул. Шаркнула по полу упавшая штукатурка, угол рамы портрета ощепился. Атаман бешено подскакивает к стене,—опять глухой гул.

Калина рядом, тяжело дышет. Рыжий, как прежде Калина, у двери, железный с тяжестью на плечах. Черная дырка с белым колечком на полотне портрета. В плече рана, но глаз неотразимо сыплет искры усмешки.

— Э, Калина...

Калина исчез. Хочет сорвать портрет, но крепко приделал его Митрич, не пожалел четвертных гвоздей и мягкой проволоки.

Рыжий все на том же месте—железный. Атаман плюет в портрет и хватает Рыжего за плечи.

— Пиши.

— Разреши ударить в колокол...

— Ты бунт устроить хочешь.

— Мир соберется. Как он, так и я.

— Негодяй... Скрутить его... Эй, сюда...

Входит Калина и несколько человек вооруженных, с тусклыми лицами.

— Вяжите...

Несколько человек бросаются на Рыжего. Он раздвигает руки, шипит:

— Уйди... дратца буду...

— Ха-ха-ха... А ну, а ну... Ишь, дьявол.

Орет в ухо, тычет в лоб дулом револьвера.

— В могилевку. В могилевку.

И лохматые, грязные люди, атамановы телохранители, зло вышучивают Рыжего:

— Ишь. Играет...

— Доиграешься... пойдешь к девкам пряжу сучить.

Белые искорки—свежие капельки—пушинки рдеют над черной горой. Взмывает бель—шире и шире свежим сиянием обнимает вершину. За околицей ходят часовые.

Павел в обнимку с Ванятиным, подбирает крепкие словечки, чтобы убедить молчаливого командира. Ванятин качает головой.

— Нет, нет, нет...

— Верно, милай... Вдребезги... Если сто набрать... Вас тридцать.. Трахнем...

В двадцати шагах вихляется тень, словно летит, размахивая крыльями. Часовой качнулся, опять встал на место, а тень подплыла к первой группе и крикнула:

— Товарищи...

Красноармейцы, парни, девки повскакали, сгрудились в кучу.

— Атаман... Атаман...

Девки врассыпную, красноармейцы за винтовки, парни в нерешительности кружатся. Павел липнет к Ванятину.

— Братки, я с вами...

— Стро-ой-ся-а...

Кто-то кричит, надрывая хрип:

— Бери-хватай вилы...

— Ударим...

— Я с вами... Бра-ти-ки-и...

Митька-дурак скользнул по улице к совету, орал у крыльца:

— Атаман, атаман...

Часовой встретил окриком и дулом винтовки.

— Стой...

Митька прет, ничего знать не хочет. Бухает выстрел. Выбегают со двора из совета.

— Что такое.

— Человек пер-не слушал...

Стонет Митька, барахтается в луже крови. Над ним атаман.

— Кто такой.

Митька сладко произносит слово—атаман, атаман.

— Эй ты, сдох что-ли.

— А тебе што, кровопивца... Хочу говорить с атаманом... Ох... бо-о-о-льно...

Хлипает, стонет, мечется.

— Ну-ну, я—атаман... чего тебе.

— Бей красноармейцев... там, за околицей... они-и...

Захлебнулся, захрипел.

Атаман скомандовал. Вдоль порядков скользили тени, прятались в переулках. Ударило тремя разрывами: а-ахх...

Много, много разрывов, словно тысячи криков звонких и хриплых, сотни бегущих ног.

— Тах-тах-тах... та-та-ттах...

Дальше и дальше, реже и глуше, за околицей и у леса, а потом тишина.

Заря. Брыжжут капельки крови.

Урень всполохнулся, толпы на улице—непонимающие, скупые на догадки. Павел и двое красноармейцев раскручивают Рыжего. Он молчалив и безучастен, словно устал. Его ведут домой. И здесь губы крепко сжаты, а в глазах сонливость и пустота. Голосит жена,—и ее не замечает. У ворот говорит:

— Не знаю, как теперь быть.

Калина отстал от своих, нес устало железное туловище и с плечи тяжелым грузом. Хотелось повалиться на траву и смотреть, как полыхает небо. Излюбленное слово, которое без числа зародышей хранил в себе, выплевывал в свежее утро:

— Пес...

Из воспоминаний о лазарете.

В. Собко.

Я вернулся в Москву в сентябре 14 г. и уже не попал в привычную колею. Все интересы сдвинулись с обычных мест, все стали нервнее и как-то не у дела.

В это время обыватель стал сыщиком и ловил шпионов. Не было, кажется, ни одного переулка или захолустного дачного местечка, которых его фантазия не заселила бы агентами немцев. Об уловлении этих гнусных агентов рассказывали тысячи случаев, почти всегда одинаковых, но непостижимым образом совершавшихся одновременно в разных уголках города или России.

Ходили нелепые слухи: уверяли, что Вильгельм возглавлял какой то корпус германских шпионов, что об'явив войну, он сорвал с себя и растоптал русские ордена... И люди всему верили; ненависть к Германии разросталась. Стали преследовать разговор на немецком языке, из музыкальных программ цензура вычеркивала Вагнера и Листа, историческое наименование Петербурга переделали на Петроград, отрекались от немецких фамилий... Бок о бок со слепым, но строгим под'емом плодился плюгавый копеечный „патриотизм своего отечества".

Обезьянья раздражительность и ненависть к врагу накипала, а между тем в армии настроение было иным. Я убедился в этом, побывав с одной очень важной дамой в каком то лазарете, оборудованном диллетантами, одержимыми страстью к „проявлениям общественности".

Важная дама ездила туда подкармливать раненых и читать им газеты и книжки. (Следует сказать, что в первом не было никакой нужды). Она уверяла себя и других, что очень любит „наших молодцов" и любуется ими, но это у нее как то „не выходило".

Так вот, в этом лазарете я разговориля с ранеными и вот что услыхал: „Австрийцы—дрянь, а немец-собака—умен и хитер. Когда на него наткнешся—только держись".

Но все это говорилось почему то чуть ли не радостно, а „собакой" немец именовался в явную ему похвалу.

Помню одного солдата с раздробленной, совершенно изуродованной, рукой. Он был ранен на австрийском фронте осколком гранаты и страдал невыносимо. Там его и захватили, беспамятного, в плен. Однако, когда он очнулся и увидал пленных товарищей по полку, то стал уговариваться с ними бежать. Караул был неряшливый, а фронт—по их соображениям—недалек. И как-то ночью они бежали. На звуки выстрелов шли две ночи, скрываясь днем в тростниках и кустах. Хлеба у них не было. В пути все

растеряли друг друга и однажды мой собеседник остался один. Кое-как перебинтованная рука разболелась, а повязка скрутилась жгутом и почти соскочила. В минуту отчаяния он хотел „лечь и умереть“, но потом убедился, что „наши“ близко. Осмотревшись по сторонам, он рискнул днем вылезти из кустов и перейти поле, как вдруг увидел, что на него летит во весь опор австрийский офицер во главе небольшого раз‘езда. Смерть была неминуема, на фронте за бегство из плена—расстрел. Офицер о чем-то его спросил, он что-то ему ответил и показал свою ужасную руку.

—„Тогда немчик этот,—окончил раненый, тихо улыбаясь,—весь передернулся, зажмурился, а потом крикнул по ихнему: „ступай“,—повернулся и ускакал. Должно быть тогда ему хуже моего стало“.—

И в эту минуту я вспомнил ряд статей, помещенных даже в „Русских Ведомостях“, подписанных даже „общественными деятелями“ о зверствах немцев, о ненависти к ним и подумал: почему же о них говорит иначе этот, навеки изуродованный, солдат и что же, действительно-ли русский человек так ненавидит немца?

И я спросил, нарочно грубо: „но ты, всетаки, их ненавидишь?“—

Мой собеседник промолчал, а другой раненый постарался по моим глазам догадаться, какой требуется ответ и „рапортовал“ по солдатски, но довольно лениво: „как же не ненавидеть? немец, он—враг отечества“.

И тогда я понял, что так называемые „руководящие органы“ никогда не отразят правильно настроение народа.

На позиции. *Рис. Ал. Кравченко.*

Мое приспособление к труду.

С. П. Галкин.

Тяжелое, угнетенное состояние духа, явившееся следствием лишения на фронте левой руки, долго не проходило у меня. Мне казалось, что моя личная жизнь теперь разбита, все молодые мечты о будущем разлетелись и осталось одно тоскливое, жалкое, зависимое существование. Я думал,—теперь я инвалид, калека, должен пользоваться помощью других для существования, должен видеть жалостно-сочувствующее отношение к себе, быть калекой среди людей нормальных физически, несчастным, требующим постоянной себе помощи. Калека!.. сколько это слово в моем представлении заключало несчастья, жалости, непригодности к нормальной трудовой жизни, отказа от осуществления молодых желаний и запросов... Случайно услышанное выражение „лишний рот" не выходило у меня из головы и угнетало меня. Я все усилия прикладывал, чтобы не быть этим лишним ртом, но в начале у меня мало что выходило. После лечения в госпитале, я приехал домой в разгар полевых работ.

Нужно заметить, что я и мои родственники—крестьяне, и взгляд на „калеку", как у людей, занимающихся физическим трудом, у нас более заключал несчастья, чем у людей, не занимающихся им, поэтому моя инвалидность резко угнетающе сказывалась на душевном состоянии моем и моих родственников. С болью в сердце мне приходилось только смотреть, как мои маленькие сестренки жнут, собирают и вяжут, скошенную отцом рожь и овес, вспоминать, как я не так давно так же загорелый, мокрый, со струйками пота на лице махал косой во время сенокоса и жнитва или покрикивал на лошадь во время пашни. Теперь же приходится быть „лишним ртом" в семье. Но факт остается фактом и в конце концов мне пришлось примириться с фактом моей инвалидности. Понемногу я начал приспособляться к возможной для меня работе: перетаскивал снопы и складывал их в крестцы, бороновал, закидывая возжи за шею, перетаскивал через руку с отцом мешки во время молотьбы, собирал картошку при выпахивании ее, зимой помогал что-либо перетаскивать. Особенно порадовал меня успех в молотьбе цепами. Я привязывал конец палки цепа к поясу, а рукой охватывал середину ее и не отставал в битье от других. Через год я получил протез (искусственную руку) и вот этот протез воскресил меня. Сначала я думал, что протез будет только маскировать отсутствие руки со стороны формы, а в работе будет мешать, но потом мне пришлось переменить этот взгляд. Как раз в моем приспособлении к работе протез и сыграл большую роль, дал возможность исполнять все крестьянские работы за немногим исключением. Для работы к протезу вместо кисти привинчивается так называемая рабочая кисть, металлический стержень с тремя загнутыми внутрь щупальцами, которые сдвигаются и раздвигаются винтиком. Моя радость была безгранична, когда я, зажав между щупальцами верхний конец косья, а правой рукой взявшись за ручку, начал косить траву. Сначала работа шла медленно. неуверенно, потом приспособившись я мало отставал от других косцов. Искусственная рука, благодаря большой тяжести косы, чем косья, сгибалась в плечевой и локтевой части до известного предела и закидывалась немного вверх и назад, при чем обрубок руки (вершка два от плеча) задерживал и давал в каждый момент косе некоторую устойчивость. Таким же образом я

начал сгребать траву граблями, и ворошить при сушке. Окружающие соседи только покачивали головами и удивлялись, те же, которые не видели меня на работе, не верили рассказам о моей трудоспособности. Успех мой воодушевлял меня, душевное состояние становилось лучше, радостнее: из калеки я становился почти совсем трудоспособным. Я уже не чувствовал себя в семье „лишним ртом“. Так же радовались моему успехи и мои домашние. Я стал исполнять все главные работы в крестьянстве. Прекрасно стал пахать, зажимая в щупальцах железной кисти левую ручку плуга или сохи, а правой рукой держа правую ручку и направляя инструмент. Во время молотьбы на машине я откидывал граблями или вилками солому или подавал на столик к барабану снопы, заменяя взрослого физически-нормального человека.

Сообщая о своем приспособлении к работе, мне хочется сказать инвалидам, тяготящимся своим положением, что для нас инвалидов не все потеряно, мы можем приспособиться к жизни, к работе, стать равноправным трудовым членом в обществе и тем вызвать к себе со стороны окружающих, отношение, как к независимым членам общества. Вместе с тем мне хочется указать на важное значение протезирования инвалидов, т. е. снабжения их хорошими, усовершенствованными искусственными конечностями, заменяющими отнятые. Инвалид, не имеющий образования, не могущий заниматься интеллигентным трудом, с хорошим протезом почти выбывает из строя калек, по прежнему становится трудовым, независимым членом в обществе, не заставляет других работать на себя, вместе с тем, и самочувствие его приближается к нормальному. На протезирование инвалидов нужно обратить особенно серьезное внимание, нужно снабжать инвалидов усовершенствованными протезами быстро и не одним, а двумя экземплярами, чтобы в случае поломки одного и сдачи его в починку, можно употребить в работе другой.

Снабжение инвалидов протезами.

Д-р. Н. Н. Приоров.

Войны—империалистическая и гражданская оставили после себя сотни тысяч калек. Нет сомнений, что искреннее желание каждого инвалида выздороветь, поправиться, восстановить свои силы, вернуть свою утраченную трудоспособность, восстановить ее.

В деле восстановления трудоспособности инвалидов не малую роль играет протезная помощь—снабжение инвалидов протезами.

Протезное дело для Республики — дело совершенно новое. До войны протезное дело находилось в руках кустарей, небольших частных мастерских. Дело велось без достаточного наблюдения со стороны специалистов: врачей и инженеров. Протезы мало кому были известны, а потому и мало были доступны. В Петрограде существовал Мариинский приют, где снабжались инвалиды Японской войны. Деятельность приюта была очень ограничена. О существовании же самого приюта мало было известно.

Война, дав большое количество инвалидов, заставила над этим делом серьезно задуматься, выдвинула целый ряд задач, связанных с протезированием, которые необходимо было срочно разрешить.

С 1915 года началась работа по организации протезной помощи, были привлечены врачи, инженеры и др. общественные силы. С этого момента и начинается работа по снабжению инвалидов протезами.

Предполагалось снабжение только инвалидов войны.

Октябрьская Революция, предоставив широко лечебную помощь всему трудящемуся населению бесплатно, одновременно предоставила возможность бесплатного получения протезов не только инвалидам войны, но и инвалидам труда. Гражданская война, как и каждая война не могла, конечно, не дать новых инвалидов, требующих протезирования.

Таким образом, количество инвалидов, нуждающихся в протезировании, в настоящее время составляет внушительную цифру, и государство стоит перед довольно трудно - разрешимой задачей—снабдить всех инвалидов протезами и при этом в короткий срок. Какое количество инвалидов требует снабжения протезами—в этом отношении точных цифр нет. По данным д-ра Куркина инвалидов старой армии, нуждающихся в протезах—от 85.000 до 90.000. К такому же приблизительно количеству пришел и я по данным Медицинского Отдела Протезного Завода. По моим сведениям следующее количество инвалидов старой армии приходится на каждую губернию и требует протезирования:

Архангельская	171	Польша	4558
Вологодская	1048	Кавказ	1863
Олонецкая	135	Курская	2498
Петроградская	1910	Воронежская	2689
Новогородская	203	Тамбовская	2260
Псковская	531	Орловская	2123
Московская	1887	Тульская	1426
Калужская	1078	Рязанская	2096
Тверская	1099	Казанская	2237
Ярославская	748	Вятская	2950
Владимирская	1517	Пермская	3117
Костромская	1315	Уфимская	1515
Нижегородская	1572	Оренбургская	1084
Витебская	577	Пензенская	1447
Смоленская	1219	Симбирская	1528
Могилевская	725	Саратовская	2476
Донская Область	1212	Самарская	2913
Украина	12876	Астраханская	962
Белоруссия	1668	Сибирь	2199
Литва	3621	Латвия	1218
		ВСЕГО	78270

В таблицу вошли инвалиды Польши, Литвы, Латвии, т. к. они были призваны в империалистическую войну.

Если теперь перейти к фактическим цифрам—то Московским Лечебно-Протезным Институтом зарегистрировано следующее количество инвалидов, нуждающихся в протезах на 1 январь 1922 г.

	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	Всего.
Инв. стар. армии	6210	10790	10930	5207	1243	734	330	30764
Инв. красн. армии	—	—	—	423	823	1263	976	3475
Инв. труда	—	—	—	199	654	715	899	2467
Неизвестных	—	—	—	—	651	873	842	2366

Московский Лечебно-Протезный Институт регистрирует инвалидов, входящих, главным образом, в состав Московского района. Кроме Москвы регистрация инвалидов производилась в Петрограде и Киеве, а за последнее время и в более мелких городах.

Таким образом на 1/1—22 г. в Московском районе зарегистрировано 39.072 инвалидов, нуждающихся в протезировании.

Лечебно-Протезным Институтом разработан этот материал по губерниям, с распределением на снабженных и неснабженных:

	Общее колич.	Снабженных.	Неснабженных.
Московская губ.	2092	1038	1053
Владимирская	1221	531	690
Нижегородская	915	368	547
Ивано-Вознесенская	52	9	43
Примечание. Ивано-Вознесенская губ. выделена только в последнее время.			
Ярославская	463	269	194
Брянская (губерния тоже новая).	28	6	22
Рязанская	1600	780	820
Пермская	1148	494	654
Петроградская	227	134	93
Псковская	269	190	79
Новогородская	352	111	241
Витебская	366	182	184
Астраханская	271	101	170
Воронежская	1252	536	716
Вологодская	482	301	181
Северо-Двинская	31	7	24
Вятская	1245	684	561
Архангельская	115	60	55
Гомельская	54	12	42
Костромская	725	359	366
Казанская	916	383	533
Екатеринодарская	32	10	22
Калужская	860	429	431
Курская	1116	503	613
Терская	34	20	14
Кубанская	140	77	63
Черноморская	12	7	5
Ставропольская	98	66	32
Саратовская	1130	477	653
Тамбовская	1660	784	876
Пензенская	977	439	538
Уральская	49	25	24
Самарская	1474	527	947
Уфимская	1144	484	660
Челябинская	26	9	17
Симбирская	757	343	414
Оренбургская	512	216	296
Тверская	875	493	382
Рыбинская	15	—	15
Смоленская	858	487	371
Тульская	955	514	441
Орловская	950	458	492
Донская область	361	194	167
Могилевская	567	349	218
Сибирь	2029	1293	736
Украина	6039	3866	2173
Кавказ	218	146	72
Туркестан	107	48	59
Литва	339	255	84
Белоруссия	734	443	291
Польша	1490	984	506
Латвия	396	203	193
Другие иностр. державы	128	46	82
Неизвестных	1801	865	936
ИТОГО	41707	21615	20092

Протезное дело по характеру своей деятельности можно разделить на две части:

1) Изготовление протезов.
2) Снабжение инвалидов протезами.

Первая часть выполняется на протезных заводах и протезно-сборочных мастерских, находящихся в ведении Наркомздрава.

Заводы имеются в Москве—1-й Государственный Завод имени Семашко, в Петрограде—Отделение на Врачзаводе, в Сибири — протезно-сборочные мастерские, в Туле, Саратове, Казани, Пятигорске, Самаре, Ростове на Дону и проч.

Каждой мастерской, в зависимости от ее мощности, придан ряд губерний для обслуживания проживающих в них инвалидов.

В деле изготовления протезов—проводится принцип—централизации частей протезов и децентрализации сборки протезов т.-е. отдельные части протезов изготовляются на протезных заводах, и рассылаются для сборки в районные мастерские.

Этим достигается единство и однообразие выдачи обычных типов протезов, что дает возмож-

ность производить инвалидам замену и починку протезов в ближайших мастерских.

Вторая часть протезирования, снабжение инвалидов протезами, проходит через специальные протезные комиссии. В Москве комиссия существует при Лечебно-Протезном Институте, в других городах при мастерских.

Лечебно-Протезный Институт оборудован и открыт в 1921 г. Этот Институт находится в ведении Отдела Здравоохранения Московского Совета Р. К. и К. Д. Заведует Институтом д-р Н. Н. Приоров, консультантом Института — д-р В. Н. Розанов, старший врач хирургического отделения Городской больницы имени Д-ра Боткина (бывш. Солдатенковская). В основу всей деятельности Лечебно-Протезного Института положен принцип предоставления и оказания всех видов помощи инвалидам, способствующих восстановлению их трудоспособности.

Лечебно-Протезный Институт имеет 300 кроватей и следующие отделения:

1) Хирургическое отделение на 75 кроватей.
2) Протезное отделение на 100 кроватей.
3) Отделение по лечению стеноза горла на 40 кроватей.
4) Отделение челюстных ранений—30 кроватей.
5) Отделение для спонделитов на 15 кроватей.
6) Женское отделение на 20 кроватей.
7) Отделение увечного ребенка—20 кроватей.

Во главе отделения по лечению стеноза горла стоит проф. А. Ф. Иванов.

В отделении челюстных ранений — д-р А. Э. Рауэр.

В Институт поступают инвалиды империалистической войны старой армии, инвалиды гражданской войны, красной армии, инвалиды труда, получившие увечья на фабриках, заводах и проч. По роду своей деятельности в Институте имеются следующие части:

Медицинская часть Института собирает необходимые сведения о всех инвалидах, требующих снабжения протезами. Все сведения заносятся на опросном листе. На основании опросного листа заводится карточка и дело об увечном. В дальнейшем вся переписка об инвалиде находится в его деле. В деле же хранятся заключения протезной комиссии относительно характера его увечья, его профессии и требуемого ему протеза, а также акт осмотра изготовленного протеза. Медицинская часть вызывает инвалидов в порядке очереди на протезные комиссии, ведет протоколы комиссии, ведет всю переписку с инвалидами. Медицинская часть выдает каждому инвалиду протезную книжку, где кратко изложен способ пользования выданными протезами, куда обращаться в случае поломки протеза, в книжку же заносятся все выдачи протезов, а также и отдельных частей.

В Институте прекрасно оборудована операционная, две перевязочных. В Институт прибывают инвалиды из военных госпиталей и с родины. Очень часто инвалиды являются в Институт со свищами, секвестрами, с болезненными культями, атрофированными культями, с невромами, параличами, порезами и проч. Несомненно, прежде чем начать такого инвалида протезировать, необходимо его долечивать. Процент хороших культей, хороших заживлей ампутированных ран, где мы первично получили культю годную к протезированию, невелик. В большинстве случаев мы узнаем, что больной перенес ряд операций: удаление секвестров, выскабливание свищей, удаление невром, тенотомии, реампутации и проч. Правда, большинство инвалидов, если почти не все, оперировались первично после тяжелых травматических повреждений, где мягкие ткани на большом протяжении были размяты, инфекцированы, ампутации производились у больных септических с гангренами после отморожения и проч. Операция была как уже необходимость, как неизбежное.

Такое же впечатление мы получаем и по литературным данным. Д-р Розанов в своей статье „Ампутация и протезы" указывает, что у Bunge в работе „Unter die Heifigkeit und der Nachoperationen an Amputationstumpfen", где он разбирает материал Мюнхенского лазарета с 1916—1919 г. находим следующее: по Рауег'у в начале войны из всех ампутированных 90—95% должны были подвергнуться вторичной операции, в 1916 г. число это падает до 75%. По Ewald'у из 162 ампутированных первичные хорошие результаты были получены только в 42-х случаях т.-е. 25%.

Из 30 операций Гритти вторичные операции в 6 случаях. На 12 операций Пирогова вторичных 7.

В Институте с 23 апреля по 31 декабря 21 года прошло 1912 инвалидов, прибывших за протезами: из них в оперативной помощи нуждалось 257 человек т.-е. 13%, в лечении электро-терапией, ионотерапией 10%, в лечении ваннами, массажами до 37%. Таким образом 50% нуждалось в долечивании. Здесь нужно отметить, что работа происходила в период организации Института и не все кабинеты могли работать полным ходом.

Для лечения ионизацией, особенно при контрактурах и рубцах культей, в Институте имеется небольшой кабинет, достаточно оборудованный. Имеется кабинет по массажу, большое внимание обращено на гидротерапию, ежедневно от 70 до 90 ванн ножных или ручных.

Имеется гипсовый кабинет для накладывания корсетов, гипсовых кроваток, временных гипсовых повязок, временных протезов и проч.

В отделении по лечению стеноза горла, под непосредственным руководством проф. А. Ф. Иванова, производится целый ряд операционных вмешательств по закрытию дефектов горла. Здесь единственное место в Республике, куда стекаются больные для лечения свищей и стеноза горла. За 1922 г. было совершено излечение до 35 больных.

Челюстное Отделение переведено из бывшего Челюстного Института, находится в стадии развертывания.

В Институте два раза в неделю происходит заседание **Протезной Комиссии** под председательством д-ра В. Н. Розанова, с участием техников-ортопедистов. На комиссию назначаются инвалиды для разрешения и заключения следующих вопросов: закончено ли лечение или нуждается еще в долечивании. В последнем случае больной остается в Институте для лечения. В случае если лечение закончено, выясняется возможность и необходимость протезирования, назначается тот или иной вид протеза, приноравливаясь к его занятию. Все постановления Комиссии заносятся в соответствующие заключения протезной комиссии. По получении протеза увечный вновь является на протезную комиссию. Здесь уже осматривается изготовленный протез — насколько он соответствует

данному заданию, насколько он правильно изготовлен, насколько он удобен увечному и правильно пригнан, насколько увечный правильно пользуется протезом. В случае, если протез удовлетворяет всем необходимым требованием, составляется акт приема протезов, в противном случае или бракуется или даются указания—исправить.

В Институте еженедельно происходит заседание Рабочей Комиссии. Рабочая Комиссия рассматривает все вновь заведенные дела об увечных, выясняя право на получение беспдатного протеза и устанавливает, в зависимости от профессии и занимаемой должности, группу и очередь для протезирования.

При Институте организована **Протезная часть.** Имеются два оборудованных кабинета для снятия мерки и примерки, и один кабинет для выдачи протезов и частей. После того, как инвалид пройдет протезную комиссию, он должен явиться в примерочную для снятия мерки. Мерки снимают опытные техники - ортопедисты из Центрального Протезного Завода при непосредственном наблюдении врачей Института. В случаях трудных и ответственных мерки снимаются самими врачами, или делаются гипсовые слепки. Мерки и слепки направляются на Протезный Завод, где протезы изготовляются. По изготовлении протезов к примерке, протезы доставляются в Институт для примерки и пригонки. Если протез окажется правильно пригнанным, удобным для увечного, передается вторично в завод для окончательной отделки. По изготовлении протезы передаются в Институт, в протезный склад для выдачи инвалидам.

Инвалид, получив протез, учится пользоваться им. В Институте имеется штат инструкторов-техников, которые совместно с палатными врачами обходят палаты, разъясняют как нужно одеть протез, учат ходить на протезах, или пользоваться протезом, знакомят как можно протез разобрать, какие части можно заменить в протезе самому инвалиду, куда обратиться в случае ремонта, как необходимо беречь протез и проч.

Институтом сконструирован целый ряд аппаратов для упражнения, как пользоваться протезами: площадки, палубы, лестницы, площадки с препятствиями.

Протезы изготовляются на Центральном Протезном Заводе. Завод находится в ведении Наркомздрава. Протезный Завод по роду своей деятельности делится на две основные части:

1) Массовая заготовка отдельных частей протезов.

2) Сборка частей протезов, основанная на строго индивидуальном изготовлении каждого протеза отдельному инвалиду.

Протезная Часть выдает инвалиду при ампутации голени (ниже колена) искусственную ногу или деревяшку улучшенного типа

При ампутации бедра (выше колена), при вылущении бедра выдается также искусственная нога или деревяшка улучшенного типа.

При ампутации обоих нижних конечностей выдаются искусственные ноги и кроме того даются подколенники или подставки. Большинство инвалидов очень быстро привыкают ходить на искусственных ногах и чем меньше инвалид пользовался костылями, тем скорее и увереннее начинает ходить на искусственной ноге. Не плохо ходят инвалиды и без двух нижних конечностей, если ампутация произведена была ниже колена. Труднее, когда ампутация выше колена. Но и тут при настойчивости и желании самого инвалида можно добиться того, чтобы недурно пользоваться протезом и хорошо ходить. На протезы дается протезная обувь.

В начале инвалиды, потерявшие две конечности выше колена учатся ходить на коротких ногах. При неправильно сросшихся переломах бедра или голени, несросшихся переломах бедра или голени, даются фиксационные аппараты на всю ногу или до колена, с замком или без замка, с поясом или без пояса. При параличах, порезах выдается также аппарат. При недостаточно окрепших переломах костей даются гильзы. При операции Пирогова, Шапара выдается аппарат или ортопедическая обувь. При укорочении ноги, порезах стопы, при деформациях стопы и проч., выдается ортопедическая обувь с пробкой, по слепку, с полукорсетом, с корсетом.

При ампутации верхних конечностей даются инвалидам искусственные руки. Вопрос об изготовлении искусственных рук, несомненно, сложнее и труднее, чем изготовление искусственных ног. Искусственные руки даются исключительно рабочего характера. Так инвалиду с отсутствием рук ниже локтя дается искусственная рука и если он земледелец, ему дается целый ряд приспособлений для выполнения хозяйственных нужд, как держать пилу, топор, косу, брусок для точки, а также нож, вилку, ложку и проч. В этом отношении можно сделать и дать инвалиду, потерявшему руку очень большое количество самых разнообразных приспособлений, прилаживая их к его профессии, как например, столяру без руки можно дать комплект приспособлений, благодаря которым столяр может держать столярные инструменты и тем самым продолжать свою работу. Что касается кинематизации протезов, как нижних конечностей, так и верхних, то в этой области уже много наметилось и многое делается. Имеется несколько случаев операций по способу Sauerbruch'a с видоизменением д-ра Розанова, с последующим протезированием, по способу Krukenberg'a, когда из культи при ампутации предплечья делается два больших пальца из локтевой и лучевой кости. Материалом для изготовления протезов на протезном заводе служит, главным образом, сталь и кожа.

Изготовлялись и изготовляются протезы также и из фанеры, фибры, целулоида и проч.

При Институте имеется **экспедиторская часть,** дабы не отрывать инвалидов от их обычных работ, не заставлять их ездить в случаях поломки, починки, замены одних частей другими; инвалиду предоставляется право посылать протезы по почте бесплатно в протезную мастерскую, а также и Институт по требованию инвалидов высылает по почте отдельные части и протезы после ремонта. В случаях несложных Институт посылает и новые протезы.

Все инвалиды, которые приезжают за протезами или для лечения, пользуются бесплатным проездом. По окончании лечения, а также получения протеза инвалиды отправляются из Института бесплатно, снабжаются всеми необходимыми документами, Социальное Обеспечение выдает на дорогу продукты, Всероссийский Комитет

помощи инвалидам войны выдает в необходимых случаях обмундирование.

Быт инвалидов в Институте.

Все инвалиды, поступившие в Институт проводятся через пропускной пункт.

В Институте инвалиды подчиняются особой инструкции, выработанной Институтом и утвержденной Мосздравотделом. Инвалиды в Институте остаются на разные сроки. В хирургическом отделении инвалиды остаются на более продолжительный срок, пока не долечатся, в протезном отделении инвалиды большей частью остаются недолго. После известных процедур—снятие мерки или примерки—если инвалид из ближайших местностей, отправляется к себе на родину, а из более далеких местностей—остается в Институте до получения протеза. По получении протеза инвалид обязан пробыть в Институте не менее 10 дней, пока не научится пользоваться протезом.

В целях улучшения быта инвалидов в Институте, удовлетворения их нужд и потребностей имеется шеф. Шефом Института состоит Мосторг—Московский Торговый Отдел. Мосторг отпускает средства на улучшение состояния и положения как в отдельности каждого инвалида, так и самого Института. Мосторг выдает единовременное пособие инвалидам, снабжая их бельем, обмундированием и проч. Институт выдает средства на усиленное питание, снабжает отчасти инвентарем, производит ремонт в Институте и проч.

Всем инвалидам в Институте предлагаются занятия, если конечно, нет особых противоуказаний со стороны лечащего врача. Занятия предлагаются с целью занять свободное время инвалида, использовать его знания и уменье, а с другой стороны, если инвалид остается на продолжительный срок, научить кой-чему. Но не каждый инвалид желает заниматься. Здесь много сказывается его длительное пребывание в военных госпиталях, больницах и проч., где он не занимался и не работал. Он отвык работать, внушил себе, что он инвалид, что он потерял свою трудоспособность, что он уж ничем не может заниматься. Необходимо как можно ближе подойти к нему и внушить, что он может и должен работать, постараться перевоспитать его. Здесь очень внушительно действует пример недоверия к своей нетрудоспособности, когда он увидит инвалида еще с более тяжелым увечьем—работающих.

В Институте в настоящее время мастерские находятся в стадии организации и расширения. Имеются портновская, сапожная, столярная мастерские: организуется школа механического письма, ручной труд, на очереди шорная для изготовления мелких частей для Протезного завода.

Так как большинство инвалидов, проходящих через Институт земледельцы, жители деревни, поэтому, и занятия в Институте им предлагаются такие, чтобы они по выходе из Института у себя на родине могли использовать приобретенные знания в своей обыденной жизни. В случаях, если инвалид начал работать по какому нибудь ремеслу, и желает продолжать его и усовершенствоваться, Институт ходатайствует о переводе инвалида в мастерские Собеза.

В мастерские принимаются заказы, главным образом, из государственных учреждений. Все работающие инвалиды в мастерских получают небольшую заработную плату (сдельно) остальная часть вырученной платы идет на усиление и расширение самих мастерских. В Институте встает вопрос—инвалидам работающим в мастерских, выдавать не зарабатную плату, а снабжать их при от'езде из Института теми или другими инструментами в зависимости от их занятий.

В институте широко поставлена культурно-просветительная деятельность.

В Институте имеется до 20 служащих инвалидов.

Как видно из деятельности Института протезная помощь очень тесно и неразрывно связана с помощью лечебной и трудовой.

Необходимо как можно раньше подойти к инвалиду с этими видами помощи и даже еще в момент лечения разрешать вопрос—может ли инвалид оставаться и заниматься тем ремеслом, каким занимался до увечья или не может. Если может, то и лечением и протезированием необходимо максимум—восстановить его трудоспособность, если же увечный не может заниматься прежним ремеслом, выясняется к какой работе инвалид способен и желает заняться, а в связи с этим и подготовливают к протезированию.

Выше говорилось, что и по литературе заграничной, а также и по данным Лечебно-Протезного Института, большинство инвалидов нуждается в предварительном лечении или долечивании. Обясняется условиями работы — насколько срочно больного пришлось оперировать, дабы спасти жизнь, как наприм., на фронтах, где приходится иметь дело с инфецированными ранениями, с размозженными тканями и проч. Но нельзя не указать и на то, что иногда долечивание необходимо просто потому, что не была применена своевременно соответствующая функциональная терапия: В наших больницах-госпиталях принцип функциональной терапии не имеет широкого применения.

Целесообразнее во всех отношениях — сразу же с самаго начала болезни применять такой способ лечения, который бы делал всякое долечивание не нужным.

Справляются ли существующие протезные заводы и мастерские со снабжением инвалидов протезами? Несомненно, не справляются. Количество выпускаемых протезов не достаточно. В Лечебно—Протезном Институте зарегистрировано 41707 инвалидов, снабжено 21615, не снабжено 20092. Из этих цифр вовсе не значит, что нужно сделать еще только 20092 протеза. Протезов нужно значительно больше.

Кроме того нужно иметь в виду еще и то, что протезы делются на сроки. Проходят сроки—протезы изнашиваются—нужно делать новые.

Протезную помощь надо усилить, увеличить количество вышеуказанных мастерских протезов во много раз. Крайне желательно давать протез инвалиду по возможности вскоре по его излечении. Это избавит инвалида от совершенно ненужного пребывания в инвалидных домах, не будет приучать его к ничегонеделанию, к бесдеятельности; получив протез инвалид скорее вернется к работе, к труду, где забудет свое несчастье и будет полезен и государству и семье.

Протезная помощь должна быть также доступна, как и лечебная.

Если нет отказа в ранней лечебной помощи, то не должно быть отказа и в протезной помощи, как части лечебной помощи.

Кооперирование инвалидов.

Веге.

1. Кооперативные об‘единения инвалидов, как одна из форм социального обеспечения.

Обращая усиленное внимание на развитие сети трудовых учреждений С. О. и на улучшение дела профессионального обучения и переобучения в них, Наркомсобес мыслил эти учреждения, как место, где всякий трудящийся, утративший, вследствие инвалидности, полностью или частично способность заниматься своей основной профессией, мог бы научиться другой, доступной ему при настоящем состоянии его здоровья, или же мог приобрести такие знания и навыки, которые дали бы инвалиду возможность вернуть частично трудоспособность. Естественно, что состав трудовых учреждений социального обеспечения не может быть постоянным. Инвалид обученный, приобревший стойкие знания и навыки, должен принять непосредственное участие в производственной жизни государства, освободив свое место товарищу, еще не обученному.

Тем не менее было бы нелепо обученного инвалида лишить всякой поддержки государства сразу по выходе его из трудового учреждения. Привыкший к постоянной государственной помощи, к коллективной работе и общей взаимной поддержке товарищей по учреждению, инвалид, очутившись одиноким вне стен учреждения в большинстве случаев будет черезчур беспомощен. А если это так, то создается серьезная угроза, что он не устоит против всех случайностей борьбы за самостоятельное существование и вновь, но уже с изломанной психикой, очутится на иждивении государства. Эту то опасность Наркомсобес и пытается устранить, организуя свои производственные и производственно-потребительские об‘единения, создающие знакомую, привычную обстановку для трудовой жизни инвалида.

Первый зародыш такой инвалидной артели Наркомсобес создает под самым внимательным наблюдением органов Собеса, допуская организацию артелей из обученных инвалидов внутри самих учреждений. Еще пользуясь всеми правами обеспечиваемых, члены таких артелей работают и на себя, получая для личных нужд большую часть своего заработка. Только вполне окрепнув, артель снимается полностью с социального обеспечения и, получив, в случае необходимости дополнительную материальную помощь Собеса, предоставляется своим силам. Разумеется, органы Собеса и в дальнейшем должны по мере возможности поддерживать организационно и материально кооперированные таким образом об‘единения инвалидов, не бросая их в нужде на произвол судьбы и помня, что разумная помощь целому коллективу всегда даст наибольшие результаты при наименьшей затрате и сил и средств.

Из сказанного ясно, что кооперирование инвалидов занимает важное место в общей системе нашего социального обеспечения и что недостаток внимания к этому делу вредно отразится и на всей системе.

2. Углубление кооперативной работы среди инвалидов.

Настоящий момент отмечается все усиливающимся ростом производственных и производственно-потребительских об‘единений Собеса. Наладившееся за последний год дело профессионального обучения инвалидов, а также повысившийся культурный уровень масс, в частности инвалидных, подготовил большие группы лиц, могущих быть с‘организованными в кооперативы. Несколько задержавшись из за недостатка средств на первоначальной форме своего развития,—артелях, кооперирование инвалидов быстро перешагнуло через форму об‘единений в товарищество и начинает расти дальше, расширяя район действия отдельных об‘единений на целые губернии и даже республики. Ряд об‘единений, помимо производственной и потребительской деятельности, начинает заниматься и операциями чисто коммерческими, увеличивая этим свои оборотные средства. Ряд мероприятий, в частности предоставление государственными органами центра и мест некоторых льгот об‘единениям инвалидов (освобождение от государственных и местных налогов и сборов, определение преимущественных прав на аренду предприятий и помещений, предоставление монополии на некоторые виды торговли, как напр.,

исключительное право инвалидных об'единений Крыма на содержание аукционных зал, и проч.), а также кредит, оказываемый зарекомендовавшим себя об'единениям, дает гарантию благополучного развития кооперативной работы среди инвалидов. Необходимо использовать благоприятные обстоятельства, сделать всеобщим достоянием опыт, проделанный наиболее передовыми об'единениями на местах, привести этот опыт в систему и приложить все усилия к устранению препятствий, мешающих планомерному развитию кооперативной работы.

3. Виды и аппарат инвалидной кооперации.

Усиливающийся рост инвалидной кооперации заставляет нас привести в систему и обсудить основные положения, могущие способствовать наиболее правильному развитию этого молодого еще дела. Аппарат инвалидной кооперации должен быть построен так, чтобы инициатива и самодеятельность масс могли свободно вылиться в строительстве инвалидных об'единений. С другой стороны опыт, авторитет и организационная поддержка органов Собеса творческой работе самих инвалидов должны быть обеспечены в полной мере.

Основной кооперативной ячейкой инвалидов является артель. Эти первичные ячейки должны быть возможно более самодеятельны. Создаваясь на принципах, изложенных в образцовых уставах НКСО они должны вести работу под общим организационным наблюдением органов Собеса, и под контролем последних, главным образом, в отношении целесообразности распоряжения денежными и материальными средствами, им отпускаемыми. Не стесняя такие первичные об'единения ограничениями числа членов, подбором состава их (инвалиды войны, труда или смешанный состав), или в выборе задач, намеченных тем или иным об'единением (производственно-потребительские, чисто производственные, личного труда, торговые и проч.), органы Собеса должны, однако, следить, чтобы об'единения эти не преследовали целей противозаконных, и об'единяли, как правило, лиц, состоящих на социальном обеспечении или имеющих право на него. Только об'единения, составленные из названных групп, могут расчитывать на материальную помощь органов С. О. Не препятствуя развитию об'единений, создающихся не по производственному признаку, органы Собеса наибольшую долю своего внимания обязаны уделять яйчекам производственного типа, поддерживая их в первую очередь и тем способствуя их увеличению и укреплению. Необходимо предостеречь также на первое время от увлечения потребительскими кооперативами. Большое число потребителей при минимальном производственном моменте ослабит и распылит скудные в большинстве случаев средства инвалидных кооперативов.

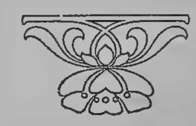
Следующей ячейкой кооперативного об'единения является кооперативное товарищество. Об'единяя, как целые артели, так и отдельных лиц, оно не может ставить ограничений вступлению в него инвалидов каких-либо групп (трудоспособности) или категорий (войны, труда) и всякие попытки в этом направлении должны быть решительно пресекаемы, как стремление вредное, влекущее к созданию обособленных каст в едином пролетарском государстве.

По мере расширения масштаба работы артели и товарищества образуют уездные и губернские (областные) союзы инвалидных кооперативов, действующие на основании положений, устанавливаемых особо для каждого губернского союза. Подобные крупные об'единения легко могут и должны находиться в постоянной организационной связи с центром.

Необходимость последнего начинает в последнее время чувствоваться все больше и больше. Материальные требования крупных об'единений, все расширяющиеся коммерческие операции их, кипящая на местах организационная деятельность, заставляют нас построить его так, чтобы он был хорошо знаком с практикой мест, мог в любую минуту дать совет или провести мероприятие, нужда в коем выявится в процессе работы мест, а также мог бы выполнить то или иное поручение последних.

Поэтому, центральный орган инвалидной кооперации должен быть составлен из представителей государственных учреждений и практических работников мест. Общественные организации, оказывающие помощь инвалидам, также должны иметь своих представителей в нем. Поскольку НКСО ближе всего ответственен за правильность развития дела кооперирования инвалидов, и кооперативный центр должен находиться под его теснейшим руководством и контролем.

Одной из важнейших работ центрального органа инвалидной кооперации должно быть инструктирование мест и подготовка их к Всероссийскому С'езду работников инвалидной кооперации, необходимость которого, судя по ходу кооперирования инвалидов, встанет на очереди ближайших дней.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Рисунки художников: *Г. Васильева, Н. Купреянова, А. Кравченко, П. Павлинова, А. Соколова, В. Фаворского, В. Фалилеева.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Импортно-Экспортная Торговая Контора

при Наркомвнешторге

„ГОСТОРГ"

Приобретает экспортное сырье на внутреннем рынке.

Принимает комиссионные поручения госорганов и кооперации на реализацию экспортного сырья заграницей и по приобретению импортных товаров для нужд промышленности и торговли.

Ввозит и реализует внутри России импортные товары.

Принимает комиссионные поручения на Россию заграничных фирм.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Ильинка, 14.

Центральный оптовый торговый склад „ГОСТОРГА"

Б. Черкасский пер., 11 (Китай-Город).

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ.

(М. С. П. О).

Москва, Мясницкая, 47.

Ведет снабжение первичных кооперативов Москвы, Е.П.О., Райотделений, и Рабкопов Московской губ. продуктами питания и предметами широкого потребления.

Производит операции по покупке, продаже, товарообмену, приему на комиссию продуктов питания, предметов широкого потребления и сырья.

Принимает заказы и продает изделия об'единяемых 16 фабрик и мастерских.

Кондитерская и парфюмерная ф-ка „БОЛЬШЕВИК" б. Сiу.

Пивоваренный завод, б. Хамовнический и Завод Минеральных вод б. ЛАНИН.

Писчебумажная Нарофоминская фабрика:
лучшие сорта бумаги: почтовая, писчая, альбомная и оберточная разного рода.

Фабрика Металлических изделий:
изготовление аллюминьевой посуды, примусов.

ИМЕЕТ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ г. МОСКВЫ:

40 ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ МАГАЗИНОВ.

из них

14 дежурных магазинов открыты до 12 ч. ночи.

20 ХЛЕБОПЕКАРЕН: всегда свежий черный и белый хлеб. Большой выбор печения, сухарей и др. кондитерских изделий.

16 КАФЕ-СТОЛОВЫХ И ЧАЙНЫХ.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ

ПРЕСНЕНСКИХ ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫХ ФАБРИК

ВЫРАБАТЫВАЕТ

ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫЕ ТКАНИ.

ПРОДАЕТ ТОВАР

государственным учреждениям, кооперативам и частным лицам.

Имеет магазины в Москве:

Оптово-розничный—Черкасский п., д. 10/2.

Розничный—Кузнецкий Мост, д. № 1 и при ф-ке Трехгорной м-ры, Нижняя Пресня, д. 1/30.

Цена 100 руб.

никем не может
быть повышена.

№ 50.